

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ ЧЕХИН
СВОРА

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Чехин

Метро 2033: Свора

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чехин С.

Метро 2033: Свора / С. Чехин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-116232-0

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! На этот город не падали ракеты, но пришедшее с юга ядовитое облако убило всех, кто не успел спрятаться в убежищах. Несмотря на пережитый ужас, уцелевшие не поняли урока и с упоением продолжили грызню за место под солнцем. Увлечшись новой войной, они совсем позабыли, что на окраинах обитают стаи чудовищ-падальщиков. Запасы мертвечины подходят к концу, и вот уже хвостатые хозяева руин совсем иными взглядами смотрят на двуногих соседей. Появляется Свора, ведомая беспощадным вожаком. И цели этой Своры – убивать, поглощать и размножаться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116232-0

© Чехин С., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Злейшие друзья человека. Объяснительная записка Вадима Чекунова	7
Пролог	9
Глава 1. Дикая охота	12
Глава 2. Кровь на мелу	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Чехин

Метро 2033: Свора

© Д. А. Глуховский, 2017

© С. Н. Чехин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Злейшие друзья человека. Объяснительная записка Вадима Чекунова

К собакам я отношусь хорошо. Но только до того момента, пока они не начинают внимательно посматривать на меня. А уж если еще и рычать принимаются – совсем дело плохо.

Однажды, будучи еще молодым и даже не женатым, поздним ноябрьским вечером я вышел из дома своей девушки. Покурил возле подъезда, досадуя на то, что с ночевкой не заладилось – неожиданно вернулась со смены мама любимой. Выдохнул остатки дыма в морозный воздух и двинул по пустынной улице в сторону метро. Любимая жила на самой окраине тогдашней Москвы. До конечной станции «красной» линии от ее дома надо было пилить и пилить на автобусе. Разумеется, никакой общественный транспорт уже не ходил, а на такси денег у меня не было. Дважды мимо проехала патрульная милицейская машина, причем второй раз довольно медленно, заставив меня слегка поволноваться насчет китайской «выкидухи» в кармане куртки. Но все обошлось – впереди, у ночного ларька возле остановки, какие-то граждане затеяли драку, и стражи порядка устремились к ним. До закрытия метро оставалось минут сорок, я надеялся добраться за полчаса и успеть доехать хотя бы до кольцевой, до «Комсомольской», от которой рукой подать до моего дома. Вид у меня был боевой и уверенный – потертая «косуха», черные джинсы и крепкие армейские «берцы», подошвами которых я хрустел по придорожной наледи. Несознательных граждан, ищущих приключений в поздний московский час, я не боялся – на то она и молодость, тем она и прекрасна.

По одну сторону от меня тянулись пятиэтажки с тепло мерцающими окошками, большая часть которых уже погасла, а по другую высилась темная громада лесопарка под романтическим названием Лосиный остров. Вот оттуда-то, из тьмы, и выскочило что-то длинное и большое, покрутилось, метнулось туда-сюда под обморочным фонарным светом и устремилось прямо на меня. Все произошло так быстро, что лишь услышав царапанье когтей по асфальту, я понял, что на меня несется собачья стая. Больше всего напугало – ледяной ком сердца стукнулся в ребра и ухнул в желудок – что мчались собаки в полном молчании. Должны же лаять, рычать... Нелепая мысль-надежда: «Это не ко мне, мимо пробегут, я им не нужен». Понимание – нет, бегут именно на меня. Не меньше десятка. С каждой секундой все отчетливее видятся их мельтешащие лапы, вздыбленные холки. Уши, глаза, носы, пасти... Спазм в горле. Заевшая молния «косухи». Непослушные пальцы дергают карман, «выкидуха» пляшет в руке и отчего-то не открывается, потом раздается спасительный вроде щелчок. Пытаюсь успеть хотя бы направить выскочивший клинок в сторону подбегающих собак. Но куда там – крупная грязно-серая псина прыгает и сбивает с ног. И вот тут уже, едва грохнулся навзничь, начинается ор, визг, лай, скулеж и рычание – одновременно. Первых укусов не ощущаю, боль пока не пришла, лишь задыхаюсь от дикого страха. Может, спасает «каленая» кожа куртки. Захожусь в крике – он тут же тонет в собачьем многоголосье. Пытаюсь отбиться ногами – ножа в руке уже нет, выпал, я даже не заметил, да и черт с ним, бесполезен, оказывается, совершенно. Нахлынула жгучая волна, толчками – добрались до ног, хватают и пытаются рвать. Я кричу что-то бессмысленное, резкое, в надежде отогнать тварей. Но куда там, стая вошла в раж. Все, что могу сделать – попытаться прикрыть горло и пах. Такой бравый и беззаботный еще несколько минут назад, я ползу на спине в сторону «хрущевок», весь в грязи, крови, полный самой настоящей безнадёги. Сейчас, вот сейчас от меня останется лишь рваный ком, вот тут, на полночной окраине. Жизнь не проносится у меня перед глазами, хотя я совершенно отчетливо сознаю, что вот он и пришел, смертный час. Скорее всего, собаки добьют меня и, обнюхав, унесутся вдаль, равнодушные, а я останусь на дороге...

...Ярким светом вспыхивает что-то под зажмуренными глазами. Какие-то звуки – не то лай, не то голоса – я уже не могу различить. Кто-то трясет меня за плечо. Я понимаю, что это не псина – те дергают иначе, уже знаю это. Милицейский патруль – тот ли самый, что дважды проезжал мимо меня, или другой, не важно. «Ментов даже свора боится!» – доносится до меня густой, сквозь хохоток, голос одного из спасителей. «Не свора это – стая!» – со знанием дела поясняет другой. Цокая языками, менты принимаются рассматривать меня и узнавать, кто я вообще такой. Этого вспомнить сразу я не могу – просто сижу, опираясь на асфальт и радуясь, что у меня есть руки, ноги, лицо...

Давно это было. Уже и шрамы те поблекли, и новых потом прибавилось, а вот когда начал читать книгу Сергея Чехина – все ярко вспомнилось, словно вчера случилось.

Конечно, у каждого из нас своя реакция на прочитанное. Это нормально. Главное ведь в художественном тексте – вызвать эту самую реакцию читателя. В случае со мной автору это удалось однозначно. Думаю, и вас «Свора» не оставит равнодушными.

Вперед, друзья, за чтение!

И – берегите себя.

Все персонажи являются вымышленными.

Все совпадения случайны.

Пролог

В голодный год и пес, и волк, и прочая тварь сбивается в большие стаи и теряет всякий страх к человеку, ибо терять больше нечего.

Ярослав Егерь

Илья бежал из последних сил, ведь по его следам шло нечто большее, чем смерть.

Вот уже неделю от поста к посту, от костра к костру гуляли слухи о странных псах, не боящихся ни грохота очередей, ни пороховой гари, хотя прежде хватало выстрела, чтобы даже самые настырные чудища растворялись в лабиринтах мертвого города.

Парень считал эти рассказы очередными байками, коих у бродяг с избытком на все случаи жизни. В том числе и для того, чтобы запугать желторотого юнца и отвадить от добычи – хоть сборщики и работают на общину, но счет у каждого свой. И если раз за разом таскать бесполезный хлам, в мгновение ока загремишь в отряд обороны и до самой смерти будешь куковать на блокпостах.

Не для того Илья с детства вкалывал, как вол, потом (своим) и кровью (чужой) заслужив заветную нашивку, а вместе с ней – и доверие, не оправдать которое не имел права. Неудивительно, что бывалые да матерые посчитали его всего-навсего удачливым выскочкой. Отсюда – холодное безразличие, надменные взгляды и насмешки, отсюда же болтовня про жутких чудищ, потерявших всякий страх перед сломленным, израненным, опустившимся, но все еще венцом творенья.

Попытка унижить, взять на слабо – вот откуда ноги растут. Илья был готов на все, лишь бы доказать – себе, не им – что встал в один ряд с лучшими из лучших не случайно, а по праву. Но, столкнувшись нос к носу со злом, понял – ему не вдали, не страшили, не втапывали в грязь, а в самом деле пытались предостеречь. И все сложилось бы иначе, если бы он знал: опыт – это не стрельба, рукопашка или чтение карт. Опыт – это умение отличать правду от уверенной лжи. Но в попытке доказать всем и каждому, что не баловень судьбы, парень повел себя, как ворона в павлиньих перьях.

Так, как от него и ждали.

Впрочем, псом, хоть раненым, хоть бешеным, сборщика не удивить – и не такое пускали на чехлы и коврики. Но сегодня вместе с шайкой хвостатых теней явилось то, что воспаленный разум наотрез отказался воспринимать частью искалеченной реальности.

Демон, шайтан, бес – в разные времена разные народы искали слово для сущности страшнее самой гибели, но так и не успели найти. И даже новый мир, куда двадцать лет назад слуги сатаны извергли Преисподнюю, не дал бы древним мудрецам достойной подсказки.

У хрипящего за спиной порождения не было ни имени, ни названия, да и откуда бы им взяться, если слезящиеся глаза беглеца превращали облик страшилища в черную кляксу с размытыми краями, увенчанную парой красных огней. Инстинкт отчаянно защищался, понимая, что и мимолетный взгляд на преследователя способен утопить сознание в бездне беспамятства, и тогда сам бог ему не поможет. Где же он был утром, когда парень отправился на вылазку, несмотря на все предостережения и слухи.

Мог переждать денек-другой, мог пойти в отряде. Но в погоне за местом под солнцем позабыл простую истину: жажда славы, подогретая юной кровью, сгубила больше жизней, чем все клыки и пули на свете. Хорошо хоть ума хватило не соваться на Окраины, а из центра вся живность давным-давно откочевала на новые пастбища мертвечины, не оставив после себя ни кусочка кости, ни обрывка одежды. Как вскоре выяснилось, кое-кто задержался.

Среди старинной лепнины фасадов и блестящих новостроек долгое время царили тишина и спокойствие, однако наткнуться на ценный хабар здесь можно было с такими же

шансами, что и достать целое яйцо из упавшей со стола корзины. Запертая дверь в квартире панельной многоэтажки – немыслимое везение, но чаще приходилось обыскивать вскрытые и уповать на невнимательность (или привередливость) коллег по цеху. На базе сгодится все: от зажигалки до одеяла, от игрушки до цветочного горшка, но Илье посчастливилось отыскать истинный Клондайк. Кто бы мог представить, что в пустой комнате с ободранными обоями под вспухшим линолеумом обнаружится оружейный сейф. Хозяин забрал ствол и, быть может, стал грозой чудовищ, или вождем крохотного племени, либо сгинул, едва перешагнув порог, но оставил про запас десять пачек патронов с начинкой от утиной дробы до картечи.

Рюкзак, минуты назад приятно тяготивший плечи, превратился в камень за пазухой утопающего. Илья бросил бы ношу, если бы не надежда уйти дворами – подъезд, крыша, и он спасен, ведь ни шавки, ни их алоглазый вожак не взберутся по отвесной лестнице и вряд ли протиснутся в узкий люк. Но стоило свернуть к подворотне, как клыкастые выродки в тот же миг с лаем кидались наперерез, брызжа зеленой слюной. Запашок от гадин шел такой, что миазмы из вспоротого брюха утопленника показались бы изысканным благовонием.

Парень не представлял, сколько тварей вокруг – может, пять, а может, полсотни. Шорохи и рык доносились из каждого куста, из-за каждой машины – псы взяли человека в клещи, но почему-то не спешили нападать, отсекая одни пути и открывая другие.

Когда сборщик собрался перейти дорогу, сразу три громадные псины выскочили из-за ржавых остовов, припали к асфальту и оскалили похожие на иглы зубы. От неожиданности палец впился в спусковой крючок, АКСУ вздрогнул и миг спустя затих, выкашляв в никуда последние пули.

Задышавшись и едва переставляя ноги, шуховец рванул к темному зеву арки. Блохастые дьяволы нагнали бы его в два счета – не родился еще человек, способный убежать от них на своих двоих, но вместо этого семенили за спиной, подгоняя хрипылыми завываниями. Добравшись до высотки, парень вытащил «Макаров» и пальнул по мелькнувшему впереди силуэту. Вспышка озарила черный, словно залитый битумом бок, а маслина в который раз ушла в «молоко». Это на стрельбище легко выбивать десятки, а когда всего трясет и от усталости пистолет тяжелее гантели, дай бог в упор попасть.

Илья зайцем проскочил арку и рванул к подъезду. От спасительной двери отделяли считанные шаги, когда из-под куста сирени выпрыгнула тварь и загородила путь. «А мужики-то не ввали, – пронеслось в голове. – Рядом с *этим* и матерый волчара – щенок. Отожралась на мертвечине, дрянь. Зато теперь не промахнусь».

Он отшвырнул «ксюху» и стиснул рукоятку «Макарова» ладонями. Громадный пес поймал грудью все пять пуль, но подышать не собирался, лишь отступил на шаг и пригнулся, раззявил слюнявую пасть. От трупной вони сперло дыхание, желудок сжался в тугой комок. Пистолет отправился вслед за автоматом, а сборщик во всю прыть рванул к соседнему крыльцу, но не успел пробежать и половину пути, как впереди широкой дугой вытянулась целая стая. С десяток тварей уставились на добычу черными овалами глазниц, на дне которых горели янтарные точки.

– Пошли вон! – взвизгнул юнец, чувствуя влажное тепло на скулах.

Псы приближались, рыча и роняя тягучие нити. Илья развернулся, намереваясь драпать к дороге, но в арке уже маячили мохнатые фигуры. Остался последний вариант – сквер, а оттуда по прямой – к обнесенной каменным забором церкви.

До дубовых створок он добрался ползком, сдирая ногти о ступени. Оставив на дверях кровавые отпечатки, он для верности стянул ручки ремнем. Глупая трата времени, ведь собаки не смогли бы их открыть, но понимал ли это вчерашний подросток, чью голову будто обсыпали мукой?

Отдышавшись, парень включил рацию и с облегчением выдохнул, услышав знакомое потрескивание – передатчик чудом уцелел во время погони, как и рюкзак с хабаром. Теперь

Илья вернется домой не просто с достойной добычей, он вернется героем, а что до седины, то так даже лучше – больше никто не посмеет называть его желторотым.

– База, это девятый, прием!

– Девятый, это база, – раздался усталый голос девушки-диспетчера. – Все в порядке?

– Нет. – Он с трудом удержался от всхлипа, но льющиеся ручьями слезы вряд ли кто-либо смог бы осушить. – Тут собаки...

– Где ты?

– Церковь на «Родине».

– Поняла. Немедленно отправляю «львов». Держись, помощь близко.

Позже на допросе радистка скажет, что ей показалось, будто на той стороне взорвалась граната – столь сильным был раздавшийся грохот. За ним бахнуло потише – рация упала на пол, но микрофон все еще ловил единственное слово. Голос то срывался на визг, то ниспадал до неразборчивого шепота: «Нет! Нет. Нет...»

* * *

– Видел когда-нибудь такое? – Майор коснулся исполосованной створки, и та повисла на верхней петле.

Кадавр качнул головой. Дверь выглядела, как после столкновения с ковшом экскаватора.

– Вот и я не видел. Ладно, заходим.

Банан перекрестился, переступая порог. Карина фыркнула, но ничего не сказала.

Девятый сидел в конце молельного зала, вжимаясь спиной в алтарь. Остекленевшие глаза чуть не вылезли из орбит, рот распахнулся до передела, а правая рука вытянулась вдоль туловища – бедняга пытался то ли защищаться, то ли заслонить пятерней то, что надвигалось от входа. То, что разнесло дубовые доски, как гнилую фанерку. То, что заставило пацана поседеть.

– Ран нет, – произнес медик, осмотрев тело.

– И отчего он помер?

– Вскрытие покажет. Но дам девять из десяти, что бедолага преставился от страха.

Глава 1. Дикая охота

Июль 2033

Белгород

71 километр к северу от Харькова

Население до Войны ~ 377 000

Население после Войны ~ 4000

Старики верят: волчий вой – к большой беде. До сих пор ходят слухи, как около века назад в лесах и топях что-то выло по ночам, а вскоре пробирающий до дрожи звук сменился куда более страшными сиренами и леденящим душу баритоном: «Внимание! Говорит Москва».

Многие убеждены – и перед Катастрофой замогильное вытье разносилось по округе. Его слышали в деревнях, хуторах и сторожках, построенных там, куда не успела добраться цивилизация с ее рациональностью и научным объяснением всего и вся, в крохотных оплотах человечества в дикой и до сих пор неизведанной природе, на зыбкой грани меж небылью и явью.

И вот, спустя долгие годы после гибели старого мира, когда, казалось, дела шли хуже некуда, ночную тишину вновь пронзил раскатистый рев, но уже не среди лесов и топей, а в шаге от последней твердыни человечества, где еще сохранились хоть какие-то намеки на закон и порядок.

Марк откинул одеяло и подошел к окну. В стекле отразилось бледное морщинистое лицо, слезящиеся глаза за линзами в роговой оправе обвили щупальца лопнувших сосудов. В свои пятьдесят пять Фельде дал бы фору молодым, но усталость и постоянный стресс год за годом отравляли тело и душу. А тут еще и треклятое завывание действовало на нервы. Врач жил на предпоследнем этаже – выше стояли аккумуляторные батареи, а на крыше – нестройные ряды жужжащих, тархтящих и стрекочущих ветряков. Вот и получалось, что тихие спокойные ночи, когда не приходится вздрагивать от воплей, выстрелов или всего сразу, выдавались столь же часто, как и гроза в январе.

С непривычки не то, что век не сомкнешь, тик подхватишь или чего похуже, а тут еще чертова псина разрушила и без того шаткий распорядок. Как рывкнет – и сна как не было, можно не пытаться считать овец или глотать таблетки. К счастью, были редко, пару раз в неделю, но и этого хватило, чтобы у слабых духом потекли чердаки.

Этажом ниже гроыхнул выстрел. Заверещала женщина – так громко, словно стояла в шаге от Марка, ей вторил пронзительный детский визг. «Еще один», – прозвучал в мыслях жестокий, но обыденный вердикт. Подобное происходило и в обустроенном, благополучном Технологе – не у всех хватало сил столько лет жить в аду.

Бабахнуло еще два раза, крики смолкли. Доктор, на ходу натягивая черный вязаный свитер, рванул из комнаты с прытью, которой позавидовал бы заправский спринтер на пике формы. Лестница дрожала от дробного топота – со всего корпуса стекался вооруженный люд: кто в полном облачении, с дежурства, кто в майках и трениках, прямиком из кроватей. Пролеты перегородили хмурые ребята с «калашами» – зевакам тут делать было нечего, а зевакам со стволами – тем более. Но еще и года не прошло, как Фельде сменил автомат на скальпель, и охранники помнили его как опытного сборщика и «полевого» ученого, предпочитавшего изучать подарочки нового мира в естественной среде, а не в безопасных лабораториях. Вот и пропустили без вопросов, не столько из-за медицинских познаний, сколько из-за незыблемого авторитета и умения находить общий язык со всеми: от мала до велика. А в сложившейся ситуации хочешь, не хочешь – придется договариваться, ведь если заложники ранены, горячку штурма точно не переживут.

Охрана собралась у триста второго кабинета, где с семьей жил Миша Шукшин – душевный мужик и превосходный сборщик, для него сольный рейд в город – что поход на кухню за чаем. Даже будучи серьезно потрепанным улыбочивый розовощекий бородач не переставал балагурить, пока не отключался от наркоза. На жену только что не молился и все ногти изгрыз, узнав, что без кесарева не обойтись. Малышку боготворил, хотя та росла слабой и часто болела, не боялся рисковать, лишь бы родные ни в чем себе не отказывали. А теперь они – заложники, и то если очень повезло. В интересное, однако, время живем.

– Куда? – рявкнул усатый верзила, заступив Фельде дорогу.

– Мне надо с ним поговорить, – с привычным хладнокровием ответил доктор, не отводя взгляда.

– Скоро «львы» подойдут и поговорят.

– Там могут быть выжившие. Штурмовать нельзя.

– Не тебе решать, – огрызнулся амбал.

– Уверен? – Врач шагнул к нему, и спорщик будучи на голову выше и раза в два шире в плечах изменился в лице и отступил, но, услышав ехидные шепотки соратников, набылчился пуще прежнего и приготовился дать отпор. Но тут в коридоре раздались мягкая поступь и едва заметное поскрипывание снаряги.

К кабинету вальяжно, вразвалочку приближались «Белые львы» – элита, спецназ, диверсанты и разведчики, умельцы широчайшего профиля. И натиск в лоб, и рейд в глубокий тыл – не задания, а так, прогулка. Их знали все в городе, а боялись не только чужие, но и свои. Серая цифра, броники высшего класса, лучшие игрушки и связь. Но главное – абсолютное и беспрекословное подчинение Ректору, из-за чего бойцов за глаза называли личной гвардией Ярошенко. Если надо было решить скользкий вопрос, когда иные могут заартачиться – например, убрать шуховца или прикончить крейдера особо жестоким способом, посылали именно этих ребят.

Вел отряд Семен Смирнов с позывным Майор – высокий и бородастый, с застывшей на лошадиной физиономии ухмылкой надменного, самодовольного мудака, с изжеванной веточкой в уголку рта, в огромных, на пол-лица, темных очках. Довершали образ презревшего мораль и смерть ландскнехта неторопливая, качающаяся походка и прическа в стиле «могавк» – подобие ирокеза на бритой голове. В группе он числился еще и подрывником и даже во сне не расставался с помповым ремингтоном.

За ним брел сутулый мужчина среднего роста со смуглой кожей и чуть раскосыми глазами, не выражающими ничего, кроме безразличия. Кадавр – полевой медик, если не превзошедший Фельде в мастерстве, то и не сильно отстающий от признанного лекаря. На бедре – брезентовая сумка с красным крестом, на плече – похожий на масленку «кедр».

Следом – кряжистый паренек с копной русых волос и пугливым взглядом. С виду – рохля рохлей, невесть как затесавшийся в спецуру, но это впечатление многим стоило жизни, ведь в обращении с РПК Банану не было равных.

Рядом с ним Краб – высоченный радист, вооруженный «калашом» сотой модели.

Замыкала строй невероятно красивая и столь же опасная Карина, баюкая на сгибе локтя карабин Симонова с оптическим прицелом. Пухлые губки и длинные каштановые локоны лишили сна и покоя каждого второго парня из общины, но еще больше сердца разбили ее точные выстрелы. Видная невеста не спешила менять ствол на пленки, а всех ухажеров отшивала так, что самые стойкие сбегали, сгорая от стыда и позора.

Пару раз Фельде доводилось пересекаться со «львами», и впечатления остались сугубо положительные, но в данном случае он пообещал себе приложить все усилия, лишь бы оставить отряд без работы.

– Еще один слетел с катушек? – пробасил Смирнов, вытащив из кармашка разгрузки светомушкетерскую гранату. – Отойдите от двери, сейчас мы его...

Марк понимал – времени утекло критически много. Он мог бы попытаться остановить Майора – надавить влиянием, вспомнить совместные вылазки, послать, в конце концов, за Ректором, но на все это в лучшем случае уйдут минуты, и шансы спасти хоть кого-нибудь исчезнут, как пыль на ветру.

Поэтому доктор без споров и увещаний обогнул усача, отвлеченного появлением отряда, и дернул ручку быстрее, чем собравшиеся осознали, что произошло. А когда поняли – загомонили, затопали и собрались было сунуться за врачом, но Майор взмахом ладони утихомирил соратников и проворчал:

– Пусть попробует. – И добавил: – Но если раздастся хоть один выстрел – заходим без команды.

В просторной комнате, некогда бывшей кабинетом для семинаров, царил полумрак, разбавляемый занимающимся рассветом. Грузный человек сидел под окном, прижимая к груди неподвижные тела. Ноздри защекотали пороховая гарь, соль и металл – проще говоря, запах смерти. Костлявая уже стояла в уголку, дожидаясь своего часа, но судя по тихим стонам и надсадному, булькающему дыханию, страдальцев еще можно было вытащить из-под удара ржавой косы. Но сперва придется пообщаться со стрелком, а это – задачка не для всякого, с учетом направленного в грудь пистолета. Особенно когда на сто процентов уверен, что рука бывалого вояки не дрогнет, и пуля, несмотря на темень, угодит точно в цель.

– Миша, это доктор Фельде, – начал Марк с порога, стараясь не выдать ни страха, ни волнения. – Помнишь меня?

– Я не пойду, – всхлипнули в ответ. – Снаружи эта тварь... Я видел ее. Нет, не пойду. Не заставите. Не прикажете.

– О чем ты? Какая тварь?

– Но если я не пойду, кто позаботится о родных? Кто согреет, прокормит? – Здоровяк говорил сам с собой, не замечая гостя, но при этом продолжая держать его на мушке. – Пусть лучше так. Лучше для всех. Я не мог оставить их в мире, где бродит это существо. Я видел его глаза. В этих глазах – ад.

– Миша, любую проблему можно решить. Даже эту. Помнишь, как все говорили, что Алена умрет при родах? Никто не верил, что ребенок выживет. Но кто в итоге оказался прав? Я помог тогда – помогу и сейчас. Что бы ни приключилось, твоя семья не виновата. Позволь отнести их в лазарет.

– Они черные и пустые, но горят огнем, – продолжал боец, не слыша ни единого слова, кроме собственного бормотания. – Скоро... очень скоро и я отправлюсь туда. – Михаил поднял блестящее от слез лицо и поднес «Макаров» к виску. – Но мне не страшно. Ведь я буду там, а это существо – здесь. Это вам надо бояться. Вам...

– Стой!

Громыхнуло, пуля с хрустом расколола череп. Марк включил свет и распахнул дверь, прежде чем в кабинет вломились «львы». Присев у тел, доктор осмотрел раны, вздохнул и покачал головой. Один опытный хирург, одна оборудованная операционная, двое пострадавших. Как ни крути, какому богу ни молись, а всех спасти не получится. Кого же выбрать?

Молодая женщина родит еще, но ребенок есть ребенок. Здравомыслие против совести, чувства против разума – пожалуй, самый сложный выбор из всех возможных.

* * *

– Все резервы – на медблок, – распорядился Марк, натягивая перчатки.

Вызванный ассистировать Кадавр защелкал рубильниками в щитке у входа. Хотя на высоте ветер ревел круглые сутки, энергии постоянно не хватало. С одной стороны, сказывалось обилие самых разных потребителей, от упомянутых лабораторий и лазарета до кухни и

транспортного цеха, с другой – жители бывшего университета привыкли к комфорту и с ропотом воспринимали всякую экономию тока, когда ради срочных нужд отключали свет на этажах или водонагреватели.

Но в борьбе за жизнь мелкими неудобствами пренебрегают – без соблюдения этого простого правила горстка студентов и преподавателей никогда не построила бы самую развитую и технологичную общину. Пока медсестры включали лампу и отлаживали стол, доктор взял скальпель, как дирижер палочку – двумя пальцами, отчего острое играло при любом движении – и склонился над пострадавшей.

Рентген показывал – пуля прошла на безопасном расстоянии от сердца, но пробила одно ребро и расплющилась о второе, наполнив грудную клетку осколками костей и свинца. На первый взгляд, немного – всего семь штук, но пока до них доберешься, пока достанешь, а крови утекло столько, что поддерживающие системы едва справлялись. Повезло еще, что за годы шуховцы добыли все необходимое оборудование, какое только было в поликлиниках и больницах. Но порой и самой современной техники не хватает, и этот случай – один из таких.

Пришла врач из соседней палаты, куда доставили вторую раненую, развела окровавленными руками и произнесла всего одно слово:

– Увы.

Ангелы в белых халатах, большинство из которых Фельде обучал лично, завздыхали, закачали головами, но Марк не уделил всеобщей печали ни толики драгоценного внимания. Все, что его волновало в тот момент – монотонное попискивание кардиографа: слишком сильное, чтобы списывать беднягу со счетов, но слишком слабое для твердой уверенности в благополучном исходе.

– Пинцет.

В ладонь легла холодная тяжесть. Девушка промокнула взмокший лоб салфеткой, но хирург этого даже не заметил, целиком и полностью сосредоточившись на проклятых кусочках. Если операция обернется провалом, наисложнейший выбор потеряет всякий смысл, чего доктор себе не простит, пусть в произошедшей трагедии нет и намека на его вину.

В помещение без стука заглянул Банан, вмиг получив порцию шиканья и тихого возмущения, будто крики и ругань могли бы навредить раненой или потревожить ее наркотическое забытие. Но пулеметчик не ушел, а зашипел в ответ:

– Марк Антоныч... Марк Антоныч! Вас Ректор вызывает.

– Ты – идиот? – накинулся на соратника Кадавр. – Сейчас все бросит и пойдет!

– Мне Майор приказал позвать, – окрылся толстяк. – А ему – Ярошенко. Говорит, дело срочное, все шишки в сборе.

– Подождут, – ответил врач, шаря пинцетом в легком.

– Но...

– И дверь закрой.

Операция длилась еще полтора часа. Последний обломок упал в лоток, перчатки полетели в урну. Врач, не переодев замызганный халат, направился на предпоследний этаж, в сохранивший довоенную роскошь кабинет, куда без очень важных причин заглядывала лишь избранная верхушка. Фельде, пусть и полуофициально, числился в группе приближенных, но крайне редко пользовался своим статусом, предпочитая не вмешиваться в и без того отлаженный быт, а заниматься полезными делами вроде медицины, исследований и обучения молодняка.

За овальным столом расселись деканы всех кафедр: от экономической, ведущей учет и распределение добываемых ресурсов, до военной, отвечающей за оружие и подготовку бойцов – как обычных постовых, так и сборщиков. Ректор – исхудавший лысый старикан в твидовом пиджаке – напоминал добермана перед броском. Он аж привстал, намереваясь вцепиться опоздавшему в глотку и как следует пропесочить.

Но тут Тамара Гончаренко – единственная женщина среди заседателей – вопреки сложившимся правилам и нормам озвучила вопрос, волновавший всех, кто знал о ночном расстреле, еще не подозревая, что парой невинных слов обрекает себя на опалу.

– Ну, как девочка?

Марк настраивался на выволочку, поэтому вопрос застал его врасплох. Он замер, чем привлек еще больше любопытных взглядов, ведь заминку можно трактовать по-разному: от паузы перед доброй вестью до нежелания открывать страшную тайну.

– Жить будет. Долго и, будем стараться, счастливо.

Напряженная тишина разрядилась самым неожиданным образом – преисполнившаяся чувств женщина хлопнула в ладоши, остальные подхватили, и кабинет несколько секунд дрожал от дружных аплодисментов. Но всеобщее ликование тут же было прервано ударами по столу.

– Кончайте балаган! – рявкнул Ректор, вытаращив глаза.

– Так ведь... радость-то какая... – со слезами пролепетала Тамара.

– Да?! А за ребят, пропадающих чуть ли не каждый день, тоже порадуетесь?! Давайте, рукоплещите – чего притихли?

– Сергей Николаевич, извините, – сказал Фельде и занял свое место.

Ректор дрожащими пальцами сунул шарик валидола под язык и глубоко вдохнул. Кровь отхлынула от потного лица, уступив болезненной бледности. Старик сцепил руки в замок, дождался полной тишины и произнес:

– Сборщики пропадают – факт. И этого не избежать: крейдеры, твари, аномалии и бог знает что еще. Но в последнее время бойцы стали погибать один за другим. В разных местах, в разное время, будто их нарочно выслеживали. Но у бандитов мало сил, чтобы бегать за нашими по всему городу. Значит, дело в ином. И пока я ломал голову над разгадкой, исчезли сразу десять парней – вся дневная смена. Лишь один успел выйти на связь и передать вот это. – Ярошенко положил перед собой лист бумаги и прочистил горло: – Я на ж/д вокзале. Они повсюду. Помогите.

Подняв взгляд, старик посмотрел в глаза каждому из собравшихся, и, удовлетворившись всеобщим напряжением, продолжил:

– По словам диспетчера, за бедолагой кто-то гнался. Кто именно – и предстоит выяснить. Отправная точка известна, и я сразу же пошлю «львов» проверить ее и по возможности отыскать тело. Доктор Фельде пойдет с ними – опытный медик всегда пригодится. Вопросы?

Вопросов не последовало, хотя Марка так и подмывало спросить, почему его посылают на столь опасное задание. Но ответ был слишком очевиден.

* * *

От Технолога до вокзала – два километра по прямой: частный сектор, мост через Везелку – и вот уже железная дорога. Один из самых коротких и спокойных маршрутов к центру города, где лет десять не встречали ни твари, ни крейдера. Ведь оттуда в первую очередь вынесли все, представлявшее хоть какую-то ценность, а трупы погибших во время Войны собаки сожрали еще раньше.

Белгород не бомбили в отличие от соседа Харькова, но пришедшее с юга ядовитое облако превратило большую часть людей в восковые фигуры, а растения – в идеально сохранившийся гербарий. Выжили лишь те, кто успел укрыться в многочисленных, но тесных убежищах, выходы из которых и основали три крупнейших поселения.

Студенты и преподаватели БГТУ с помощью примкнувших позднее военных, ученых и техников превратили университет в передовой оплот научной мысли и прогресса, закрыв двери всем случайным и бесполезным. Шуховцы принимали в свои ряды только первокласс-

ных профи, экзаменуя абитуриентов с особой дотошностью – кормить и обеспечивать уют обузе никто не станет, это против Устава и здравого смысла.

Поэтому те, кто мог и хотел трудиться, но не сумел пройти тщательнейшую проверку, заняли музейную площадь, превратив Диораму «Огненная дуга» и находящиеся рядом краеведческий и художественный музеи в неприступные крепости. Музейщики всех полов и возрастов сосредоточились на охоте, сборе и кустарщине, обменивая хабар и самоделки на еду и патроны. И если в Уставе старших товарищей почти два десятка пунктов, то у простых и свободолюбивых трудяг всего три: не убей, не укради, не обмани. Но распространяются эти законы исключительно на союзников, никоим образом не затрагивая третью сторону, представителей которой корежит от одного только слова «закон».

– Эй, док, – позвал Банан. – Как думаешь, это люди или чудища?

– Не знаю. – Марк пожал плечами и поморщился. За год безвылазной вахты в лазарете он сбросил килограммов пять, и некогда сидевший, как вторая кожа, камуфляж теперь болтался и шелестел на каждом шагу. – Могли постараться и те, и другие.

– А мне кажется, это какая-то новая тварь, – продолжал рассуждать пулеметчик, считавший тишину во время походов особо изощренной разновидностью пытки. – Такое же возможно? Или нет?

Фельде улыбнулся.

– Оглянись вокруг. Разве в этом мире осталось хоть что-нибудь невозможное?

Накрывшая город туча заразы не развеялась сама собой – ее разогнала еще одна аномалия неизвестной природы, воздушная стена, медленным смерчем кружащая над крышами, пробирающая до дрожи ненастными ночами и запредельно прекрасная летними вечерами, когда закаты окрашивают облачный нимб багряным золотом.

Двум новообразованиям, опухолям на искалеченном теле планеты, стало тесно, и они принялись поглощать друг друга, забыв о главных целях – людях, чудом получивших шанс на спасение, но распорядившихся этим даром в привычной манере. Раздробленность вместо единства, война вместо мира – там, где не справились ракеты, человек разумный сам доведет дело до закономерного итога.

Да, яд ушел из воздуха, но остался в трупах и растениях, изменяя уцелевшую живность – и хищную, и травоядную. Процесс, как начался двадцать лет назад, так и продолжается до сих пор, и пищевая эволюция не прервется, пока не останется последний кусок зараженного мяса и тот, кто сможет его проглотить. Поэтому Банан, несмотря на склонность к бездумным фантазиям, мог оказаться прав. Ведь за годы упорных изысканий так и не стало ясно, когда же бурлящий бульон вторичной биомассы перестанет изрыгать все новые, с каждым разом более уродливые виды.

Потрепанные непогодой одноэтажные домики выгнутыми террасами спускались с холма, почти впритык подступая к берегу реки, рассеченной тремя мостами: железнодорожным – по центру и пешеходными – по бокам. Белгород во многом город контрастов: частные сектора соседствуют с элитными высотками, скверы с роскошными газонами и фонтанами – с промзонами, а заросший кустарником гаражный массив может граничить с вокзальной площадью – просторной и красивой.

Но чего не отнять, так это стерильной чистоты, сохранившейся с довоенной поры. И хрустящая под ногами листва выглядела не мусором, а органичным дополнением залитых сепией улиц. Город-музей. Город-калейдоскоп. Город – ожившая фотография середины прошлого века, где застывшее время подарило всем живущим вечное лето, пробуждающее ностальгию по безвозвратно ушедшей эпохе.

– И все же не пойму... – молчать для Банана было так же сложно, как и не дышать. – Пес съел труп и превратился в тварь. А если человек отведал мертвечины?

– Как ты достал, – выдохнула Карина, хуже других переносящая болтовню соратника.

– Я же по делу спрашиваю, – парировал тот. – Врага надо знать в лицо, а то мало ли, какая срань встретится. А доктор, – крепыш оттопырил большой палец, – вот такой спец по всякой срани.

Марк поправил очки и чуть слышно произнес:

– Человек, скорее всего, отравится и умрет. Животные менее восприимчивы к заразе. Почему – очередная загадка.

– И все же, – не унимался боец. – Как вы там говорите... чисто теоретически, во. Если наш брат начнет меняться – кем... или чем станет в итоге?

Фельде открыл было рот, но его перебил сердитый рык Майора:

– Цыц. Работаем.

Если до этих слов отряд напоминал туристов на прогулке, то после преобразился в матерых хищников, собранных и настороженных убийц. Пружинящий шаг – как по минному полю, сосредоточенные лица и цепкие взгляды, от которых не скроется ни единая мелочь. Даже Фельде выглядел, как во время сложнейшей операции, но вместо скальпеля пальцы сжимали ребристую рукоятку ТТ. Излюбленный для сольных выходов АКМ остался на базе: когда с тобой «львы», автомат – лишний вес. Но без тяжести в кобуре врач чувствовал себя, как без штанов – некоторые привычки не вытравить ни временем, ни сменой деятельности.

К проржавевшим рельсам навеки прикипели колеса серо-зеленых мавзолеев, чьи нетронутые тленом экспонаты гуртились в тамбурах и тесных проходах. Яд убивал не сразу, и десятки, сотни пассажиров под рев сирен и вопли соседей ломались на перроны, не понимая, что на открытом воздухе смерть настигнет в разы быстрее.

Не нужно было быть сыщиком, чтобы в точности восстановить события судного дня. Давка, выпученные глаза, разъявленные рты, кровь на сломанных ногтях – реконструировать трагедию легко. Сложно ею проникнуться. Осознать в полной мере. Почувствовать то же, что чувствовала спешащая в гости к сыну старушка, похороненная под копошащимися, как черви в банке, телами. Или хоть на миг впитать ужас маленькой девочки, которую обезумевшие родители пытались протиснуть в разбитое окно купе. Если бы каждый спасшийся познал хоть толику этого кошмара, город зажил бы по иным правилам. Но пока люди из последних сил тшцатся разминуться с бедой, они, сами того не подозревая, множат ее день за днем, год за годом, и будут множить до конца веков, ибо некоторые привычки не вытравить ничем.

Поезда – грузовые, пассажирские, пригородные – окружили перроны стальным лабиринтом, где могла притаиться любая тварь. К зданию вокзала вел мост, но прежде чем осмотреть терминал, Смирнов решил поискать следы снаружи.

– Кадавр – первая платформа. Банан – вторая. Краб – третья. Карина – давай наверх и прикрывай. Мы с Марком прочедем крайние пути.

– Стоит ли разделяться? – спросил врач, с тревогой поглядывая на давящих со всех сторон многотонных колоссов. Несмотря на чистое небо над головой, Фельде ощутил легкий озноб клаустрофобии, подпитанной ограниченным обзором.

– А почему нет? – Командир шевельнул прутик и пожал плечами. – Твари, если и были, то давно ушли, иначе мы бы их уже встретили. А крейдеры и прочий сброд «львам» не помеха. Погнали. Раньше начнем – раньше отсюда свалим.

Гусеницы товарняков стояли борт о борт, размежеванные не просторными перронами, а узкими бетонными плитами. Майор закинул за спину дробовик и по шаткой лесенке взобрался на цистерну с надписью «Огнеопасно». Топливо слили в первый же год, и громадный бак отдавал гулкой пустотой на каждом шагу, что ничуть не смущало Смирнова. Судя по ослабленной походке, в засевших на вокзале тварей он верил примерно так же, как и в падение метеорита на голову или в визит зеленых человечков. Возможно, потому и не заметил того, на что обратил внимание врач, напряженный до предела в окружении замерших, но все еще таящих угрозу гигантских стальных червей.

– Ну что, док? – Семен опустился на колено и протянул ладонь. – Не забыл, каково оно – в поле?

Марк ухмыльнулся и с ловкостью подростка вскарабкался на вагон, не издав ни единого звука на фоне грохочущего берцами спутника.

– Видел? – дрогнувшим голосом спросил Фельде.

– Видел что?

Хороший вопрос. Все произошло слишком быстро: то ли тень мелькнула вдали, то ли мохнатая спина шмыгнула под колеса. Нечто черное и большое даже по сравнению с псами – новыми хозяевами пригородов и окраин. Как бы в чертовом лабиринте гробниц из гнилого металла не завелся свой минотавр – под стать окружению.

– Не разобрал.

– Может, показалось?

Марк смерил напарника хмурым взглядом.

– Я похож на человека, которому могло показаться?

Лицо Смирнова разгладилось и одеревенело, намекая на быстрые, но тяжелые раздумья. Выждав пару секунд, боец кивнул, соглашаясь с упреком: сборщик, пусть и отошедший от дел, остается сборщиком, а этой братии чепуха не мерещится. Умение смотреть по сторонам и отделять важное от ерунды куда важнее выносливости или меткой стрельбы. Этот навык развивается задолго до первой ходки и проверяется всякий раз, когда несокрушимые стены убежища остаются за спиной. Те, кому кажется, в ремесле не задерживаются: или возвращаются на базу (чаще всего – по наводке соратников, которым слабые звенья не нужны), или гибнут из-за тварей и крейдеров.

Поэтому Смирнов не стал спорить и выпячивать командирское «я», а коснулся красной кнопки на рации и пробубнил:

– Карин, глянь на двенадцать часов.

Снайпер облокотилась на обшарпанные перила и прильнула к окуляру. На добрый километр в указанном направлении тянулись покосившиеся опоры линий электропередач, справа бело-красным маяком застыла заводская труба, а вдоль змеящихся по гравию рельсов вытянулись технические помещения и склады. Стоило девушке доложить, что ничего подозрительного нет, как со стороны терминала затарахтел пулемет, едва заглушая отборную ругань Банана.

– Какого хрена?! – рывкнул Смирнов, когда пальба стихла.

– Псина! – выкашлял динамик. – Выскочила прямо под ноги...

Фельде поднял руку, привлекая внимание Семена:

– Спроси, большая?

Майор нахмурился, явно устав от заскоков «прицепа», который, несмотря на все заслуги и опыт, доставлял больше мороки, чем пользы. Но слово Ректора – закон, и против него ничего не попишешь.

– Слушай, наш Айболит интересуется, велик ли блоховоз.

– Хм... – Толстяк цокнул. – Ну, примерно с волка. Щенок еще совсем. Хрен знает, на кой шатается тут в одну морду.

– В том-то и дело, что не в одну, – протянул Марк, с прищуром разглядывая вереницы составов. – Лучше отойти на вокзал.

– Мы еще не закончили, – буркнул боец.

– Да. И рискуем закончить, как тот сборщик. И все остальные до него. – Фельде нервным жестом водрузил на переносицу соскользнувшие очки. – Я не первый раз в городе и знаю, как ведут себя собаки. Я изучил их повадки от и до, и происходящее сейчас мало на них похоже. Лучше отступить.

– Отступай. – Ладонь в тактической перчатке указала на длинное белое здание с синими полосами, зеркальным фасадом и красными буквами «Белгород» на крыше. – Ты – не мой подчиненный, я – не твой командир. Поступай, как знаешь, а у нас приказ.

Семен так увлекся склокой, что не сразу услышал Кадавра, успевшего трижды повторить одну и ту же фразу:

– Стоя на шесть часов. Около дюжины голов.

– Стоя на полдень, – отозвалась Карина. – Вдвое больше.

Псы мчали без единого звука, как тени. Даже кошки удивились бы грации и тишине, с которой неслись в атаку существа, в чьей природе нет и намек на бесшумность. Ни рычания, ни воя, ни лая, коими собаки обычно встречали вторгшихся в их вотчину людей.

Стаи воевали меж собой за укромные логова и россыпи лакомых, приправленных заразой трупов, – грызлись с запредельной жестокостью и беспощадностью к врагам. Но Фельде хватило бы и одной руки, чтобы пересчитать все нападения на человека за минувшие два десятилетия. И во всех случаях причиной становились либо бешенство, либо человечья жадность, когда сборщик в погоне за ценным хабаром лез в убежище оценившийся суки.

Но любая благодать рано или поздно заканчивается: сначала тела, а за ними – и негласное перемирие. Только слепой не заметил бы, что центр вычистили до последней капли крови, а Окраины вряд ли прокормят разросшийся в сытости приплод. И коль уж мертвых на всех не хватает, волей-неволей придется переключаться на живых, ведь и венец творенья забывает о всякой дипломатии, когда в брюхе пусто несколько дней подряд.

И когда голодное чудовище несется к тебе с явным ожиданием скорого перекуса, тут уж самый стойкий и закаленный ощутит холодок в затылке и дрожь в коленях. Представьте существо величиной с теленка и с прытью гепарда, которому не мешают ни обожженная шкура, ни длинные космы свалывшейся шерсти, похожие на лоснящихся черных пиявок. Добавьте сюда морды с настолько тонкой облезлой кожей, что рядом с ними обтянутые резиной черепа выглядят естественнее, и два, а то и три ряда острых, как у шуки, клыков, вразнобой торчащих из сочащихся гноем пастей, способных согнуть арматуру в палец толщиной.

И этого хватит, чтобы человек с непривычки рухнул без чувств, но самое страшное в облике прямых потомков двортерьеров – огоньки в глубине глазниц: алые, желтые, почти белые, тлеющими углями светящиеся во мраке. Адские гончие по сравнению с этими красавцами – таксы, и одному богу ведомо, чем обернется столкновение с подобными созданиями, если те собьются в свору и заявят права на весь город.

С высоты защелкал карабин – девушка старалась прикрыть отступающих соратников. Но бить по несущимся во весь опор тварям – занятие бесполезное, ведь даже бронебойные патроны не всегда пробивают сросшиеся ребра и толстенные лбы, а в единственные уязвимые точки – глаза – на ходу не попадет и ворошиловский стрелок. Обычные же пули вязли в пропитанных гноем космах и распухших мышцах, а если и рвали плоть, все равно не доставали до внутренних органов.

Да, Банану удалось перебить самой ретивой псине лапы, но на это ушел весь рожок. Не сильно помогли и осколочные гранаты, брошенные Майором через левое плечо, будто волшебные гребни из старой сказки. Совместными усилиями отряд завалил бы трех, в лучшем случае – пятерых гадин и остался бы без боеприпасов против двух десятков порождений сатаны, соскучившихся по свежей крови и теплomu мясу.

Когда разведчики в полном составе собрались на мосту, Семен велел бежать в терминал без оглядки и даже не думать сопротивляться. И пусть этот день войдет в историю как первый раз, когда непобедимые «львы» сверкали пятками, но лучше обтечь, собраться с духом и отомстить, чем сгинуть без малейшего шанса на победу.

Дверь в здание оказалась цела, но ненадолго. Троица псов на полной скорости врезалась в створки, разбив стекло и смяв уставшую сталь, как фольгу. К счастью, твари застряли, кла-

чая пастями и обдирая шкуры, дав беглецам время добраться до узкой лесенки на крышу. Несмотря на суматоху и горячку погони, Фельде успел заметить бурые отпечатки на ручке и перилах, а значит, преследователи, сами того не подозревая, направили людей по верному пути.

– Вот суки! – крикнул Банан и врезал ботинком по парапету. – Загнали, как мышей! И что теперь, гранатометы рожать? Или танк у музейщиков слямзить?

– Не ори, – прохрипел Смирнов. – И так башка гудит от лая.

– Не двигайтесь! – Доктор вскинул ладонь и опустился на корточки, словно перед ним простиралось минное поле.

И хотя слой пыли на крыше справедливей было назвать ковром, а то и матрасом, мины бы в нем не уместились, а вот следы отпечатались, как на лунном грунте – полосатые отметины явно принадлежали пропавшему сборщику, а вот хозяина второй цепочки сразу определить не получилось.

– Ладно, хрен с ним, с танком. Огнемёт сварганить вообще не проблема, – рассуждал пулеметчик, который и в спокойной обстановке болтал без умолку, а уж после пережитого и вовсе не затыкался. – Будем жечь гадов. Любая тварь огня боится, и этим хвосты подпалим.

– Угу. – Кадавр перегнулся через край и сплюнул. – Когда-нибудь пробовал поджечь мокрую шубу? Вот попробуй. И если одного кобеля отпугнешь своей горелкой, два других зайдут в спину и башку тебе откусят. Поодиночке эти сволочи не ходят, верно, док?

– Бывает, и ходят, – пробормотал Марк, потирая острый, с ямочкой, подбородок. – Но редко.

– Что это? – Семен присел рядом и уставился на глубокие следы. То ли у оставившего их была обувь без подошв, то ли босые ступни... размера эдак сорок седьмого, с отчетливыми вмятинами когтей.

– Без малейшего представления.

– Кстати, а почему следы такие... странные. Их разве не должно быть больше? Допустим, я представляю, как здоровенная псина вскарабкалась по приставной лестнице – как говоришь, в нашем мире всякое бывает. Но она что, на задних лапах потом шла?

Врач повернулся к соратнику, смерил его хмурым взглядом и побрел по протоптанной в пыли дорожке, приведшей к высокому вентиляционному коробу. За ним, привалившись спиной и уронив голову на грудь, сидел пропавший сборщик. Левая рука вцепилась в рацию, правая прижимала кишки к затынутому темной коркой животу.

– Твою мать... – шепнул Майор. – Кто ж его так?..

Фельде, по привычке взяв боевой нож двумя пальцами, разрезал обрывки одежды и обнажил рану – вернее, целых пять рваных ран, как если бы бедолагу полоснули когтистой лапой. Но в таком случае разрезы не шли бы параллельно друг другу на одинаковом расстоянии. Скорее всего, неизвестный вспарывал бедняге живот, пока тот не умер от болевого шока.

Продолжив осмотр, доктор заметил бинты на плече, а под ними – разодранную плоть. Картина потихоньку прояснялась: парня укусила псина, он спрятался на крыше, где наложил повязку, а после вызвал диспетчера. Кроме двери, перил и небольшого пятка между ног трупа, крови нигде не было, значит, выпотрошили шуховца на этом самом месте. Псы не сумели добраться до цели, потому что еще ни одна тварь не научилась взбираться по перекладам. И тогда явился некто и завершил начатое, но насыщаться парной человечинкой не стал, а бросил ее, будто осознавая, что вскоре пропажу отыщут. Что же это? Предупреждение? Объявление войны? Случайность? Или?..

– Краб, свяжись с базой, – распорядился командир. – Пусть пришлют всех, кого смогут. Надо порешить выродков здесь и сейчас.

Марк вздрогнул, как от легкого удара током, и поднял голову:

– Приманка.

Бородач сдвинул брови, и даже очки не смогли скрыть выражение лица в духе: а не перегрелся ли ты часом на солнышке? Но из уважения к былым и нынешним заслугам собеседника выдавил из себя пару капель вежливости и уточнил:

– В смысле?

– Такое впечатление, что он хочет выманить из Технолога как можно больше народа. – Фельде встал и отряхнул ладони. – Если основные силы полягут, тварь получит и еду, и контроль над городом, ведь без нас ни музейщики, ни тем более крейдеры не продержатся и трех месяцев.

– Погоди. – Смирнов выплюнул изжеванный прутик и скрестил руки на груди. – Кто – он? О ком ты сейчас говоришь?

Марк пожал плечами.

– Тот, кто оставил вот эти следы. Тот, чьи когти острее кинжалов. Тот, кто способен подчинить прежде разобщенные стаи. Я не знаю, о каком существе идет речь, но мы столкнулись с угрозой, подобной которой еще не было. Двадцать лет зло зрело под боком и теперь застало нас врасплох.

Майор замолчал, стихли и другие «львы» в ожидании ответа на заявление, меньше всего подходящее уважаемому ученому.

– Извини, – наконец изрек разведчик, – но это херня какая-то.

Банан закивал, Карина поджала губы, Кадавр и Краб стояли, как истуканы, обдумывая услышанное и сопоставляя с известными фактами. И чем глубже вникали в суть выдвинутой гипотезы, тем четче осознавали ее право на жизнь, но встать на сторону доктора не собирались – полномочия не те.

– Хочешь сказать, – продолжил Семен, – что на Окраинах завелся этакий собачий оборотень, который копит блохастые войска и устраивает нам ловушки? Да в это даже дети не поверят!

– Есть объяснение лучше? – спокойным тоном изрек врач.

– Да в жопу такие объяснения! Это все равно, что объяснять молнию Перуном! Я вызову бойцов и вырежу хвостатую нечисть до последней шавки. Потом поймаю парочку крейдеров, и они, как на духу, выложат: кто, когда и зачем порешил пацанов. А ходящего на задних лапах разумного кобеля оставь тем, кто угорает от жаб-гипнотизеров, стен-предсказательниц и прочего бреда. Seriously, Марк. Ну, вообще ни в какие ворота!

– Твой скепсис обоснован. – Голос Фельде зазвенел булатной сталью. – Когда-то сомневались в необходимости вакцин. А еще раньше считали глупостью личную гигиену. Отрицать ненормальное – это нормально. Но я не позволю рисковать людьми, пока не выясню причину странного поведения собак.

Смирнов фыркнул.

– И что ты предлагаешь? Куковать на крыше, пока псы не уйдут? А вдруг позовут своего вожака – и что тогда?

Он произнес это, как шутку – с легкой беззлобной издевкой, но преданные соратники вопреки обычаю не поддержали командира смешками и ухмылками, а с тревогой поглядывали то на выпотрошенного сборщика, то на уходящие к люку следы.

– И тогда, – врач шагнул к здоровяку, не спуская глаз с блестящей глади очков, – будем молиться, чтобы стать последними, кому тварь выпустит кишки.

Псы стерегли добычу до позднего вечера, окружив терминал стайками по три – пять особей. Состав караула то и дело менялся: одни уходили – наверное, перекусить – другие приходили на их места. Пару раз к семейным дозорным навевались суки с подростками щенками, которые то гонялись за сверстниками, то донимали взрослых попытками поиграть.

Наблюдавший за распорядком осадного лагеря Фельде никак не мог избавиться от назойливой, гложащей душу, но глупейшей в своей основе мысли. А если это существо – назовем его

Вожак, отринув чуждый уху и малопонятный термин «Альфа» – не забросило удочку в надежде выманить хоть кого-нибудь, а вывело из строя самую боеспособную единицу, тем самым ослабив рубежи шуховцев и открыв путь для новых, куда более кровавых нападений? Пока спецназ прохлаждается на крыше, блокпосты не получают оперативного подкрепления – придется либо посылать охранников, наловчившихся сражаться только против мишеней, либо перебрасывать людей с других опорных пунктов, тем самым пуща прежнего истончая оборону.

– Нет... – Марк выдохнул и покачал головой. – Вот это точно бред.

– Ты о чем? – спросил Майор, явно опасаясь, как бы товарищ не повторил судьбу Михаила.

Врач отвернулся от усеянной черными точками вокзальной площади и сел на парапет. Потер глаза, окинул уставшим взглядом бивак под темнеющим небом. Кадавр и Банан резались в карты – пулеметчик раз за разом проигрывал и матерился под тихие смешки медика. Краб развалился на жестяном коробе и бережно, как прелести любимой женщины, крутил тумблеры радиостанции. Карина отсоединила прицел и наблюдала за округой, отвлекшись на пару минут для перекуса.

Месяц назад можно было заниматься тем же самым без необходимости забираться на верхотуру. Причем в компании тех же собак, проявлявших к двуногим соседям не больше интереса, чем к столбам и гниющим остовам автомобилей.

– Да так, – отозвался Марк. – Размышляю.

Вечерний туман непроглядной волной обогнул дома, разлился по асфальту, облизнул пыльные борта троллейбусов и маршруток. Когда-то здесь бурлила жизнь, теперь это было кладбище поломанных игрушек сгинувшей цивилизации – одно из миллионов по всей планете.

Белую пелену прорезал вой – тот самый, не дающий спать по ночам. Но одно дело – слышать его в неприступной крепости, среди прочных стен и забитых до потолков арсеналов, и совсем другое – внимать гласу нового хозяина города, когда от клыков и когтей свирепой Своры убережет лишь воля ее Вожака. От псов не убежать, не скрыться, и уж тем более – не защититься оружием, столь жалким и беспомощным на фоне огнеглазой смерти. Но сегодня у чудовищ сложились иные планы, и звук, похожий на смесь человеческого рева и похоронной собачьей песни с металлическими нотками старой сирены, растворился в мареве. Мохнатые тени вдали закружили у ног существа, один лишь силуэт которого пробуждал стойкое желание забиться в тесную нору, сжаться в комок и убежать себя, что это просто видение, морок, игра света и воображения. Вот только убедить не получится. Ни у кого.

– Теперь видел? – пробормотал доктор, не слыша себя.

– Видел, – ответил Семен, и собеседник впервые уловил в голосе матерого вояки неприкрытый ужас.

Твари ушли, но никто из разведчиков не предложил оставить надежное, но порядком утомившее убежище и спуститься на улицы – туда, где за каждым кустом, углом, кузовом могло таиться зло, по сравнению с которым любое известное чудовище показалось бы унылой рутинной. Да и не очень-то хотелось возвращаться по темноте, привлекая налобными фонарями и людей, и нечисть. Заночевать можно и на крыше – и не в таких условиях приходилось дожидаться утра частым гостям мертвого города. Но тут Краб вытащил из рации штекер наушников и добавил громкости.

– Всем, всем, всем! – прорвался сквозь треск очередей перепуганный возглас. – Это третий пост. На нас напали. Повторяю... – Речь утонула в хлопке гранаты. – На трешку напали! Помогите!

Упомянутое укрепление было своеобразной линией Мажино белгородского разлива, стерегущей подступы к Технологу со стороны злейшего врага – крейдеров. Бандиты всего раз покусились на окруженный перевернутыми машинами и бетонными обломками пяточок у моста, но положили столько своих, что бурые пятна на асфальте и стойкий запах соли до сих

пор не стерли ни дождь, ни ветер. А если учесть, что логово упырей от обители шуховцев отделяет четыре километра, потеря ближайшего пути на богатые хабаром южные окраины пошатнула и без того плачевное состояние пацанчиков с Завода. Неужели отчаяние и безнадега толкнули их на новый, заведомо обреченный на провал штурм?

Но не надо было напрягать уши, чтобы вычленив из пальбы и воплей звуки, которые никак не могли издавать крейдеры. Звуки, хорошо знакомые чудом выскочившим из клацнувшей пасти разведчикам.

* * *

Это место и по сей день не утратило малость жутковатой, но в то же время притягательной красоты. По обе стороны от серой ленты моста обильно разлился Донец в камышовой оторочке, и у берегов, словно животные на водопое, сгрудились пологие холмики в россыпях разноцветных домишек: синих, красных, бежевых, стоящих то порознь, то забор к забору, то подпирая друг друга косыми стенами.

Любоваться ими с переправы было сплошное удовольствие, но сама мысль о прогулке по живописным склонам вызвала легкую оторопь и дрожь – даже опытные сборщики предпочитали обходить те холмы дальними дорогами. И это раньше, а сейчас, когда псины белены объелись, туда не сунулась бы и вооруженная до зубов сотня. Но собаки собаками, а дежурство на самом важном блокпосту никто не отменял. И Макс Куликов, несмотря на волнение, не мог сдерживать улыбку, шагая с отрядом сменщиков к неказистой крепостице.

Пять лет муштры и напряженной учебы, экзамены и нормативы на «отлично» – ради заветной нашивки с желтым львом с факелом в лапе. А вместе с ней – и назначение на важнейший рубеж. И пусть соратники поглядывали с недоверием, в шутку величали салабоном и сыном полка, никто не смог бы отобрать у парня гордость за успех, заслуженный каждодневной борьбой не столько с сокурсниками, сколько с самим собой.

Издали пост напоминал сваленные кругом остовы машин, щели меж которыми законопатали всем, что под руку подвернулось – кусками бетонных ограждений, мешками с песком, крышками. Возводили в спешке, под плотным перекрестным огнем, сразу после того, как ценой многих жизней выбили противника с моста.

В ход шло все – от павильончика автобусной остановки до сидений из тех же автобусов. Впоследствии пост как следует укрепили изнутри, но сходства с горой ржавого хлама он так и не утратил. Потом его хотели облагородить, но дозорные уперлись рогом – мол, служит исправно, и трогать не надо. Но была еще одна причина, далекая от прагматичных соображений. Как-то раз мимо проходил седой странник – то ли из музейщиков, то ли одиночка – и сказал, что окропившая стены кровь защитников скрепила их прочнее любого цемента, и покуда они стоят недвижимы, ни один враг пост не одолеет. Для выжившей братии подобные речи – не пустой звук, вот и пошло с тех пор такое поверье.

Бойцы колонной по два покидали крепость: улыбались, травили байки, подшучивали над свежим караулом. Службу на Костюкова нельзя было назвать сложной и опасной, старжилам тут – что курорт, но ощущение нависшей угрозы не покидало ни днем, ни ночью. Да, крейдеры не рыпались со времен последнего поражения, но если уж полезут снова, мелкой стычкой дело не кончится. И вроде сидишь себе и в ус не дуешь, смолишь самосад, бренчишь на гитаре и пайки трескаешь, знай только по сторонам посматривай. Но в то же время, сидишь ты на пороховой бочке: вчера не рванула, сегодня пронесло, а завтра так бабахнет, что ошметки всем миром не сыщут.

И это накладывало свой отпечаток на всех, кто задерживался среди ржавых баррикад хотя бы на час, а смешками и прибаутками выражалось то самое облегчение, с каким игрок в русскую рулетку слышит заветный щелчок.

– Эй, братва! – окрикнул замыкающий, пышноусый и розовощекий детина, при взгляде на которого в памяти всплывали слова из песни: «Казак лихой, орел степной». – Кто-нибудь умеет? – Он развернулся и, пятась, снял с плеча чехол. – На базе подруге скучно, отовсюду шикают, играть, петь не велят, тишину блюсти требуют. Зато на воле красавицу не наслушаешься, но в кривые да грубые лапищи не доверю, пусть лучше в углу молча стоит. Лучше сразу признавайтесь, кто на что горазд.

– Радисту отдай. – Командир взвода, седовласый крепкий мужчина, похлопал Макса по спине. – Талантище!

И это была не очередная издевка, парень в самом деле освоил инструмент в свободное от занятий время, но не от безделья, а ради руки и сердца ясноокого ангела со второго этажа. Но ни мелодичные переборы, ни вдохновенные серенады не растопили льда, и ангел упорхнул к помощнику снабженца. Тот играть ни на чем не умел, был старше на двенадцать лет, зато жил с достатком и перспективой, чем рядовой охранник козырнуть не мог при всем старании. Любовь ушла, но навыки остались – уж они-то в отличие от юных чувств не исчезают утречком в четверг... Впрочем, как и не появляются в среду вечером.

– На. – Усач под недовольное бурчание начальства подбежал и протянул ношу – двумя руками, на ладонях, как долгожданного первенца. – Вернешь в целости, не то уши оторву. Усек?

– Так точно, – произнес Макс, понимая по взгляду и голосу, что угроза более чем реальна.

– Удачной вахты, братва! – Музыкант махнул сменщикам и зашагал вслед за бредущими по пригорку сослуживцами.

Убранство форта нельзя было назвать спартанским, но излишеств никто не позволял. Вдоль стены примостился длинный брезентовый шатер, формой напоминающий рукав, в центре – под навесом из кафешного зонтика – радиостанция, слева от входа – буржуйка с чугунной конфоркой и стол с расколотым вдоль бревном вместо лавки. Напротив – столитровый бак с водой, в который каждую смену бросали три щедрые жмени обеззараживающих таблеток, под ним – поленица и плаха с воткнутым колуном.

Годы назад к лагерю подвели ток, пустив по земле кабель в защитной оплетке. И если фонари на стенах включали каждую ночь, то небольшой, но мощный прожектор на подвижном лафете использовали в крайних случаях, когда враг, будь то крейдер или тварь, сновал в округе. В последний раз всевидящее око, как назвал прожектор один ценитель древних книжек, включали пару лет назад, да и то потому, что в камышах шуршала раненая лисица. Кто-то скажет – ложная тревога. Дозорные покачают головами и ответят несмысленно: на трешке ложных тревог не бывает.

Несмотря на относительное спокойствие, бойцы и не думали расслабляться – каждый из дюжины нашел себе занятие без приказов и понуканий. Троица снайперов следила за сереющим вдаль торговым центром и заправкой, кухонный наряд растопил печурку и поставил на огонь начищенный и смазанный маслом казан, Макс для проформы проверял и без него настроенную станцию, остальные раскладывали спальные и обустраивали быт на свой лад.

Хоть работа и рутинная, а день пролетел, словно шуховцы пришли не ранним утром, а прямо под вечер. Расплавленное золото залило Донец, река ответила зябким ветром, насытившим воздух особым запахом, какой бывает на закате среди дикой природы.

– Слыхали, Миха застрелился? – под треск костра и сытое бульканье каши спросил парнишка чуть старше Макса. – И всю семью перед этим завалил.

– Да уж понятно, что не после, – хмыкнули в ответ.

– Нашли, о чем болтать, – проворчал командир.

Он стоял на ящиках от патронов с биноклем в руках – и оттого напоминал капитана на мостике. Орлиный профиль и седые виски лишь подчеркивали сходство, жаль, вместо фуражки на макушке красовалась свернутая в блин вязаная шапка.

– Давно пора в Технаре сухой закон ввести, – отозвался грузный амбал, усевшись на плаху в позе бывалого зэка. – А то нажираются до «белки», а потом черт-те что мерещится.

– Ага, – хмыкнул молодой. – И воют по ночам тоже белки.

– Воют – псы. – Командир мог бы закончить разговор и велеть эту тему впредь не поднимать, но тогда слухи и кривотолки размножились бы, как жабы по весне. А брожение в умах приводит к раздраю в дисциплине, чего при нынешних обстоятельствах допускать ни в коем случае нельзя было, особенно на третьем – самом дальнем – посту. Уж лучше доводами и авторитетом на корню задушить все сплетни, чем ждать появления в своих рядах нового Михи. – А у парня просто чердак протек. Не у всех хватает духа день за днем гулять по городу. Одни гибнут, другие бросают это дело, ну, а третьи...

Договорить не успел – погасли лампы, причем все разом, и на крепость нахлынула тьма, отгоняемая лишь тусклым светом из брюха буржуйки.

– Вот те на. Макс, свяжись с базой. Не сломалось ли у них чего?

Диспетчер ответила, что у них все в порядке, значит, оставался единственный вариант – кабель. Хотя он и в броне, но в окрестностях порой такое шастает – разорвет и не заметит.

– Захар, Даня – пройдите по шнуру. Остальные – по местам! Луна нынче яркая, обойдемся и без ламп.

Ржавая рухлядь ошетилилась автоматами и дробовиками, но, как бойцы ни вглядывались в сумрак, как ни вслушивались в хрустящий осокой ветер, так и не заметили ничего, кроме удаляющихся соратников. Заброшенные магазины впереди казались зыбкими миражами в холодном свете, а луга и посадки слились в темную волну, надвинувшуюся с флангов и замершую в ожидании атаки.

– Пост, это Захар, – прошипел динамик. – Глянули под мостом – шнур цел. Двигаем дальше.

– Вас понял, – ответил радист, тшась скрыть дрожь в голосе.

Передачик будто превратился в дверь, прямой проход к тем, с кем связывал бесплотный эфир. Разыгравшееся воображение рисовало во всей красе, как напарники бредут в темноте, вдали от надежного укрытия и вооруженных товарищей. Он слышал скрежет под подошвами, бряцанье снаряги и хриплое дыхание, и каждый звук бил по сердцу разрядами тока, а от напряжения пересохло во рту. Макс потерял чувство времени и расстояния и, словно по волшебству, переместился за спины дозорных, превратившись в невидимого наблюдателя, всецело разделяющего пронизывающее дозорных волнение.

– Ребят, вы как? – Макс не выдержал и первым нарушил тишину.

– Как в шахте, – буркнул Захар. – Не грузи, пацан. Пока все ровно, а станет криво – сами скажем.

Пару минут спустя рация выплюнула простое, но очень емкое:

– Черт!

– Что там?

– Старшего кликни.

Командир тут же поднес к губам коробочку микрофона на скрученном проводе:

– Слушаю.

– Шнур перебили, – вздохнул боец. – Гребанные крейдеры.

– Поясни. – Седовласый «капитан» нахмурился.

– Разрыв примерно в ста метрах от моста. Кольчуга, начинка – все в труху, будто топором кромсали.

– Обожди. Свет погас полчаса назад. Если бы бандиты рубили кабель, мы бы услышали.

– Ну, не знаю, – бросил Захар. – Как вижу – так и говорю.

– Эй, – в разговор вклинился встревоженный голос напарника. – Глянь, светится...

– Что у вас там светится? – разъярился начальник. – А ну, бегом назад!

- И правда... светится. – Дозорный, казалось, не услышал приказа. – Красным.
- И приближается...

Крик утонул в стрекоте очередей. Секунды спустя пальба стихла, но сквозь помехи отчетливо слышались щелчки спусковых крючков.

- Куда оно делось?!
- Попали, нет?
- Захар! Даня! – рявкнул командир. – Отвечайте!
- Может, помочь? – предложил один из снайперов.
- Пост не оставлять! Малой, свяжись с базой, пусть...

– Сука! – Отчаянный рев сменился мокрым хрустом, на миг наступила тишина, а затем раздался такой вой, что закаленные дозорные отшатнулись от радики, как пауки от спички. Бедолага орал так, словно его жрали живьем. Напарник дал очередь, но пальба почти сразу сменилась чавкающим звуком, за ним последовал еще один, и все стихло. Но радики продолжали работать, и миг спустя Макс услышал то, от чего вопреки воле навернулись слезы, а волосы встали дыбом.

Больше всего это напоминало астматические хрипы в железный раструб с примесью едва различимого бульканья слюнявой пасти. Время от времени дыхание срывалось то на свист, то на цоканье, перемежаясь пробирающими до мурашек натужными предсмертными вдохами и тихим скрипом сушины на ветру.

Никто толком не понял, как долго длился этот потусторонний (в обоих смыслах) звук, пока радики, судя по оглушительному хрусту, не раздавили. А вот чем – пальцами, пяткой или зубами – большой вопрос, но каким бы ни был ответ, ничего хорошего бойцам он не сулил.

– Малой! Малой!! – Из оцепенения радиста вывела увесистая командирская оплеуха. – Бей тревогу, живо!

Стены задрожали, зазвенели от рокота и залпов девяти стволов. Огненные вспышки озарили бурлящее смолянистое море, хлынувшее на укрепление со всех сторон. И защитники, в схожей ситуации легко связавшие бы людей боем, не сумели оказать достойного сопротивления молниеносному натиску. Ведь стрелять по бешеному хороводу псов – все равно, что тушить пожар из водяных пистолетиков.

Огромные желтоглазые чудища без труда перепрыгивали баррикады, неудержимым напором опрокидывая остовы машин, снося мешки, бетон, и разбрасывая шины. С высоты пост напоминал песочный куличик, в середину которого под мощным напором била черная струя. За считанные минуты укрепление превратилось в груды хлама, украшенные растерзанными телами. Макс, забившись под перевернутый павильончик, с ужасом наблюдал, как к трясущимся берцам подбирается темное пятно, пахнущее солью и железом.

Хвостатые твари не стали пожирать мертвечину, покрутились немного среди устроенной разрухи и без единого рыка растворились в ночи, точно привидения. Но парень и не думал покидать убежище, вытаращенными глазами следя за блеском подступающих струек. В сдавленной ладонями голове воцарился ледяной мрак, не оставив места ни мыслям, ни чувствам, ни даже остаткам всепоглощающего страха, миг назад рвавшего душу, что те собаки. Тонкая пуповина, связывавшая разум с реальностью, оборвалась, но взбудораженное адреналином сознание не погасло, не провалилось в слепящую пустоту, превратив радиста в живую куклу, слепленный из плоти и костей манекен, безучастный к творящемуся вокруг аду.

И когда оцепенение начало потихоньку отпускать, совсем рядом раздался тихие хлопющие шаги, а вместе с ними – и то inferнальное дыхание, принадлежащее существу, чуждому самой природе.

Шаги стихли у края навеса, по ушам резанул скрежет, как будто по металлу чиркнули острием ножа. Макс дернулся и стиснул губы, не понимая, что ночной гость уже выследил его по запаху, но не напал, наслаждаясь щекочущим ароматом концентрированного ужаса.

Парень зашептал про себя «Отче наш», но сбился на третьей строке. Каша в голове мешала сосредоточиться, поэтому на смену молитве пришла мольба, но и связать несколько слов в осмысленные предложения оказалось непосильной задачей. Покачиваясь из стороны в сторону, Макс раз за разом повторял то, на что хватило скованного страхом рассудка: «Господи, пожалуйста. Пусть оно уйдет. Господи, пожалуйста. Пусть оно уйдет...»

Павильон с лязгом и скрежетом завалился набок, когтистая лапа змеей вынырнула из темноты и вцепилась в плечо. Алый свет из глубоких глазниц смахивал мрак с обтянутого серой кожей волчьего черепа и пасти, усеянной похожими на ржавые иглы клыками в палец толщиной. Миг спустя они вонзились в изгиб между шеей и плечом, и ночную тишину прорезал тонкий мальчишеский крик.

* * *

– Твою-то мать... – Смирнов сплюнул, глядя на кровавую разруху перед собой.

Первыми на помощь подоспели охранники Технолога и отдохавшие на базе сборщики, но все, что им оставалось – убрать трупы. Хмурые люди молча бродили в свете переносных ламп, ища и складывая ошметки на брезентовые носилки.

– Если бы мы не сидели на крыше...

– То лежали бы вон там. – Фельде указал на горку «пазлов» и склонился над единственным уцелевшим телом, как вдруг «мертвец» вытаращил глаза и вцепился в протянутую руку.

– Он укусил меня! – прохрипел радист, роняя слюну с розовыми прожилками. – Укусил!

– Тише, тише... – Доктор взял страдальца за плечи и уложил на асфальт. – Все кончилось, успокойся.

Боец повертел головой, переводя взгляд с Майора на Марка, а затем разрыдался – совсем как ребенок.

– Укусил...

– Ну, все, все. – Врач достал из аптечки шприц и сбил носик ампулы. – Сейчас сделаю укол, и все пройдет.

После инъекции Макс пьяно зашатался и обмяк, позволив Фельде наконец заняться раной.

– Жесть... – процедил Банан. – Вся шея – в лохмотья.

– Не слепые, – буркнула Карина. – Лишь бы нагнетать.

– Все, здесь закончил. – Доктор выпрямился и вытер ладони об остатки бинтов. – Надо отнести его в лазарет, и чем быстрее, тем лучше.

Несмотря на глубокие отметины и потерю крови, жизнь пострадавшего была вне опасности. Но зубы падальщиков – бездонные кладези всевозможной заразы, и пока медсестры хлопотали над плечом, Марк растер капельку крови меж стеклышек и прильнул к окуляру микроскопа.

Среди бляшек окисленного железа плавали неизвестные тельца, похожие формой на эритроциты, но более бледные. Лейкоциты без промедления нападали на непрошенных гостей, но те в мгновение ока сжирали их и делились столько раз, сколько поглотили клеток.

За считанные секунды вещество превратило в себе подобное половину препарата, после чего «нелегальные» копии кровяных телец напали на оригиналы, но не схарчили, как прежде, а вызвали молниеносную некротическую реакцию. Создалось впечатление, будто на первых этапах все шло по плану, но затем программа клеточной реконструкции дала сбой и уничтожила весь образец, включая уже измененную часть.

– Не понимаю. – Марк откинулся на спинку стула, снял запотевшие очки и сжал переносицу.

В этот момент тихонько попискивавший кардиограф выдал такой пик, что обступившие радиста девушки вздрогнули, как от выстрела. Макс дернулся и распахнул налитые кровью глаза, свежие повязки пошли темными пятнами. Фельде бросился к пациенту и навалился всем весом, стараясь прижать к койке, пока помощницы готовили успокоительное. Но вены надулись так, что острие и молотком не вколотишь – как медсестры ни старались, иглы гнулись одна за другой, пока черная, как нефть, жижа расплзлась по сеткам сосудов.

Бедолага трясся всем телом и ревел не то от непереносимой боли, не то от звериной злобы, по бледному и очень горячему лицу ручьями струился пот, на дрожащих губах взбилась пена.

- Ну же! – рявкнул врач, едва сдерживая парня.
- Не получается! – пискнули в ответ.
- Коли хоть куда-нибудь!
- Никуда не получается! У него кожа тверже дерева!

Стены дрогнули от дикого рыка. Марк получил открытой ладонью в грудь и врезался затылком в соседнюю койку. Это его и спасло – безумец принял неподвижное тело за труп, а вот ангелов в белых халатах ждала иная участь. Удар – без замаха, полулежа – раскроил белокурой красавице череп. Если бы Фельде, теряя сознание, не видел это зверство своими глазами, то никогда бы не поверил, что такой след оставил кулак, а не кувалда.

Темноволосая невысокая пышка замешкалась, глядя на рухнувшую к ногам подругу, и нерасторопность стоила ей призрачного, эфемерного, но все же шанса спастись. Макс – или же нечто, вселившееся в опустевшую оболочку – свалил бедолагу таранным толчком плеча и, сиганув на половину высоты своего немалого роста, приземлился пятками на лицо.

От последовавшего звука свело зубы даже у опытного врача, что уж говорить о девчонке, закончившей учебу в прошлом году. Она бросилась к двери и почти успела схватиться за ручку, но тварь догнала беглянку одним прыжком и свернула шею, да с такой яростью, что орангутанг из рассказа По выглядел бы хилым младенцем по сравнению с брызжущим слюной чудовищем.

Хлопнула дверь, из коридора донеслись крики, топот и пальба. Тот, кого некогда звали Максом, успел прикончить двух гражданских и охранника, прежде чем превратился в решето. День спустя Фельде лично вытащил из трупа сорок восемь пуль, но по заверениям стрелявших, и после двух десятков попаданий в упор нечисть дергалась, клацала зубами и пыталась схватить пробегающих мимо людей.

* * *

В медблок заглянул Банан – как обычно, без стука. Марк в некогда белом фартуке и маске склонился над вогнутым хромированным столом со скальпелем в неизменных двух пальцах. Скамья подле него напоминала шведский стол людоеда, где на поддонах лежали вынутые органы – все, кроме кишечника.

– Уф... – Пулеметчик поморщился – запашок в помещении стоял еще тот. – Вас Ярошенко вызывает.

- Я занят.
- Он в курсе. Но все равно велел привести.
- Если дело в недавних нападениях, то больше мне добавить нечего.
- Речь не о том. Вернее, не совсем о том. – Крепыш почесал нос. – Ректор в бешенстве, хочет послать все силы на собачью охоту, да еще и музейщиков подрядить.
- В бешенстве? – Фельде хмыкнул. – Не говори мне о бешенстве. Погоди... – Нож звякнул о край стола. – Собачью охоту?
- Ну да. Рейд по Окраинам. Чтобы раз и навсегда избавиться... вы куда?

После всех случившихся зверств вид залитого кровью доктора произвел на деканат неизгладимое впечатление. Единственная вежливая просьба – и советники в полном составе покинули кабинет, чем पुще прежнего разозлили начальника.

– Что это еще за выходки? – проскрипел старик, хлопнув по пухлой папке с отчетами, среди которых лежал и принадлежавший Марку.

– Выходки? – Врач лишь сейчас вспомнил о маске и трясущейся от усталости рукой сорвал ее с лица. – Ты отправляешь парней на убой, а у меня, значит, выходки?

– Во-первых, не надо мне тыкать, даже с глазу на глаз! Во-вторых, если не уничтожить псов сейчас, уже завтра они нам житья не дадут! Да что там завтра, и сегодня черт-те что творится, все наперекосяк идет! Я десятилетие отлаживал эту систему, а она рухнула едва ли не за неделю!

– Ты... вы не решите проблему таким способом. Вспомните третий пост.

Ярошенко пожал плечами.

– Там было мало людей. Вместе с музейщиками мы от этих кабысдохов и клочка шерсти не оставим. Пулеметы, огнеметы, бронемашины... думаете, не сдюжим? Не сгущайте краски. Это обычные твари, просто их развелась целая орда. Давно пора показать, кто в городе хозяин, а то пустили все на самотек.

– Нет. – Марк опустилcя на стул и качнул головой. – Против нас – не обычные твари.

– О боже! – Ректор вскинул ладони. – Не начинай, умоляю! Я устал от сказок про злого волка!

– Сказки? Смирнов, по-вашему, тоже сказочник?

– Он сказал, что ничего не видел.

– Да как... – Фельде сцепил пальцы в замок и откинулся на спинку, не в силах подобрать приличных слов.

– Вот так. Туман, поздний вечер, стресс. Вот и померещилось.

– Сергей, одумайтесь. Вы посылаете людей на верную смерть.

Собеседник подался вперед и сощурился.

– А я думаю, суть в ином. И коль уж мы остались наедине, скажу, как есть – не пытайся вставлять мне палки в колеса. Вижу, прицелился на мое кресло, но ты его не получишь – ни подвигами, ни пакостями. Поэтому занимайся своими делами и не лезь в чужие. Договорились?

Марк молчал добрую минуту, не сводя глаз со старика и всем своим видом выражая сомнение в его адекватности и умственных способностях.

– Серьезно? Ты делаешь все это из-за страха потерять власть?

– Не ты, а...

– Закрой рот, – произнес врач таким тоном, что полная возмущения тирада застряла у Ректора в глотке. – Раз уж тебя не переубедить, попрошу лишь об одном – оставь «львов» на базе. В ином случае мне с тобой не по пути. Трясешься за кресло? Трясись, сколько влезет, а меня давно приглашали в «Диораму».

– Остынь. – Ярошенко сменил гнев на привычную ворчливость перед угрозой потерять лучшего медика в городе. Когда разменял восьмой десяток, разбрасываться такими кадрами – себе дороже. – Ну, как еще избавиться от гадин? В край же обнаглели, скоро под окнами начнут сборщиков жрать!

– Как? – на стол опустился шприц с прозрачной жидкостью. – Вот так.

– И что это? – Старик поправил очки и с любопытством навис над неизвестным веществом. – Яд? Решил отравить хвостатых?

– Это сыворотка, синтезированная из крови радиста. По моим подсчетам, с определенной вероятностью она сможет наделить носителя собачьей силой и чутьем. С таким препаратом человек станет равен зверю, и уж тогда чудищам придет конец.

Настал черед Ректора долго и напряженно молчать. Он вскинул брови и уставился на доктора, будто ожидая, что тот улыбнется и скажет – мол, неудачная шутка. Но Марк и не думал веселиться, глядя на старика, как Клинт Иствуд на дуэли.

– Знаешь, – начальник кашлянул в кулак, нарушив затянувшуюся и грозившую стать совсем уж неловкой паузу, – я всегда считал тебя первоклассным специалистом с пытливым умом и трезвым рассудком. Однако это... – разбитый артритом палец щелкнул по шприцу, – за гранью здравого смысла. Просто... нет слов.

– Сергей, послушай...

– Нет, – сказал тот тоном человека, которому друг детства сунул нож промеж лопаток. – Не хочу. Забери это позорище и скройся с глаз долой, а я сделаю вид, что ничего не видел и не слышал.

– Но...

– Уйди. – Ректор достал из кармана блистер валидола и сунул похожий на икринку шарик под язык. – Все с катушек съехали. Не община, а бедлам. Кому сказать – не поверят! И ради чего я столько лет отдал?

Фельде попытался еще раз все обосновать с научной точки зрения, но старик не издал ни звука, подперев кулаком дрожащий подбородок и отрешенно уставившись в окно.

* * *

Три дня спустя в дверь медблока постучали.

– Войдите, – произнес Марк, не отходя от крутящихся в центрифуге пробирок. – Что беспокоит?

Перед ним стоял Ярошенко, сам на себя не похожий. Прежде идеально сидящий, костюм был измят, взгляд – потухший, изо рта – слабый, но совершенно не свойственный чванливому педанту запах крепкого алкоголя.

Гость в бессилии опустился на кушетку, снял очки и уронил лицо в ладони. Просидев так с минуту, собрался с духом, поднял слезящиеся глаза и прошептал:

– Все погибли. Все, до единого. Сто десять увешанных стволами парней разорваны в клочья. Целая армия полегла за одну стычку, а с той стороны – десяток трупов. Десяток... Как, Марк? Как такое возможно? Неужели я и впрямь ослеп от страха ошибиться?

– Акела промахнулся, – без издевки ответил врач, – потому что боялся промахнуться. Я – не боюсь. Второй, более стабильный состав готов к испытаниям. Нужны только ресурсы и твое одобрение.

– Делай, что хочешь. – Ответ прозвучал последним словом приговоренного. – Но избавь нас от этой напасти.

Глава 2. Кровь на мелу

Август 2033

Белгород, Крейда

В неполные восемь Саша вела себя, как годовалый младенец: бессвязно бормотала, пускала слюни, передвигалась ползком и орала по поводу и без. Всякий раз, когда покосившийся домишко сотрясался от рева и плача, Герман хватал сестру в охапку и нес матери на диван. Женщина, похожая на закутанную в тряпье мумию, укачивала ее, напевала колыбельную, и лишь тогда бедолага забывалась беспокойным сном.

Глядя на это, парень благодарил бога, что родился и вырос здоровым и сильным, а это в прекрасном новом мире – уже подвиг. Жизнь на Крейде – бесконечная гонка со смертью, и с каждым годом черный катафалк сталкивал в кювет все больше и больше машин. И если поначалу с пробега снимали старые, проржавевшие до дыр развалюхи, то ныне скелет за рулем подобрался в упор к лидерам заезда.

– Ты куда? – спросила мать, вздрогнув от скрежета засова.

– По делам, – буркнули с порога.

– Знаю я твои дела. Связался с этой шайкой... Запомни, мы живем на Крейде, но мы не крейдеры. И никогда ими не станем.

– Мой отец был крейдером! – в сердцах выпалил парень.

– И погиб из-за этого! За ним собрался? А о нас подумал? Что мы делать будем, если сгинешь?

– То же, что и сейчас. Гнить в помойке и подыхать от голода. Мне такого счастья не надо.

– Герман! Вернись сейчас же!

Он пяткой захлопнул дверь и вышел во двор. Накрытый целлофаном парник нуждался в срочном уходе, но подростка достало таскать воду и копать в навозе. Пацаны с Завода такой чепухой не маются, для грязной работы есть «левые», и Герман спал и видел, как Капитан пожалует ему настоящий ствол, а кольчик набьет первую татуировку.

Попасть на Завод означало попасть в рай. Самогон рекой, жратвы навалом, охочие до ласк девки и реальные дела, а не мышьяная возня. Да, могут убить: крейдеров в городе никто не жалуется. Но с тем же успехом сдохнешь и в собственном доме – от голода, чудовища или вражеского налета. Или просто спьяну разобьешь башку об пол. Или даже по трезвяку – поскользнулся, упал, труп, мало ли таких случаев? Да и свои грохнут за милую душу, ведь у «левых» прав не больше, чем у рабов или крепостных крестьян: пока платишь оброк за крышу – не тронут, а если урожай погиб – считай, погиб и ты, так на кой хрен тогда трястись за свою жизнь, коль она что тут, что там и мокрой сиги не стоит. В жопу такие расклады. Лучше прожить год, как волк, чем сто лет – как баран.

Герман окинул снулым взглядом накрытую грязным целлофаном клеть и вытащил спрятанную в водосточном желобе дубинку – черенок от лопаты с ржавым набалдашником и оплетенной шнурком рукояткой. Это лучшее, что он мог себе позволить, ведь шмонать хаты «левым» нельзя, все высотки и промзоны вокруг Завода давно забиты и поделены, и если застукнут с хабаром – кончат на месте, и радуйся, если кончат быстро.

Вот и приходится рыться по помойкам и заброшкам, откуда все ценное двадцать лет назад еще вынесли – за два года до рождения славного мальчугана по имени Герман Гридасов. Радовало лишь то, что в наследство от отца досталось приличное барахло: обрез и патроны забрали в общак, а вот одежду оставили. Берцы, теплые джинсы, кожаную куртку и серую толстовку с капюшоном и вышитыми белым цифрами «31» – все заношенное и в заплатках, но у большинства соседей и такого не было. Пару раз особо борзые сверстники пытались отжать

шмотки – тогда-то дубинка с набалдашником и пригодилась. Как известно, увесистая палка – лучшее лекарство от жадности.

Но плох тот отец, который оставил только вещи – лицом и телом Герман тоже пошел в предка: высокий, поджарый, с тяжелой челюстью и волчьим взглядом. Волосы, жаль, мамины – каштановые с рыжеватым отливом, вьющиеся и непослушные, даже будучи остриженными наголо. Но на этот «недостаток» мало кто обращал внимания, глядя на посеченную шрамами хмурую физиономию и свернутый зигзагом перебитый нос.

Но как же получилось, что сын авторитетного крейдера прозябал на задворках среди «левых»? Во-первых, свадьбу никто не играл и штампов в паспорте не ставил, а для пацанов с Завода люди – тот же хабар: смог – взял, не смог – пришел попозже с братвой и волеями. Но у Родиона Гридасова по кличке Нюхач с матерью Германа все сложилось иначе, по крайней мере, сын ни разу не слышал плохого слова об отце. Он подолгу пропадал на ходках в город, но всегда возвращался с подарками и тратил преступно много времени на семью, рискуя нарваться на непонятки со стороны поделщиков, у которых постоянные отношения считались непозволительными.

Особенно отец любил возиться с мальчишкой и души не чаял в Сашке, несмотря на ее недуг, проявившийся уже в раннем возрасте. Не очень-то похоже на поведение типичного крейдера, ведь на родню легко надавить, она – якорь, что мешает по первому требованию сорваться в опасное плавание. Родня – это берег, и чем дальше от него, тем сильнее хочется вернуться, а правильный босяк должен быть свободен, как ветер, и верен только главарю. Но Родион считался лучшим добытчиком и превосходным бойцом, поэтому ему многое сходило с рук. Почти все, кроме одного – слава и уважение росли слишком быстро, и тень от них неумолимо подбиралась к незыблемому авторитету Капитана, чего хитрый и предусмотрительный вожак допустить никак не мог. Скорее всего, из-за этого шайку Нюхача и отправили в самоубийственный налет на блокпост шуховцев. Возможно, дело было в ином, но при любом раскладе Герман считал главной целью попасть на Завод – не ради правды, но ради семьи, которая не заслужила позорного, рабского существования.

Но уважение, в отличие от шмоток, по наследству не передается – его нужно зарабатывать самому, и вот здесь начинались проблемы.

Герман прислонился к соседскому забору и трижды свистнул. В доме тут же послышалась возня. Парень сизмала приучил Булку отзываться по первому зову, переняв эту науку из баек старших про японских братков, у которых, если сразу не ответил – вскрывай пузо и радуйся, что еще легко отделался. Грид, понятное дело, так не зверствовал, но частенько угощал товарища подзатыльниками за нерасторопность.

Спустя годы «тренировок» ушастый увалень научился собираться за считанные минуты. Несмотря на врожденную вялость и лицо олигофрена, Булка отличался немалым умом, смекалкой и рассудительностью, но предпочитал держать язык за зубами, отчего прослыл тормозом и тугодумом. Хорошо, что отец незадолго до смерти успел поведать сыну важную вещь: правильный вожак ищет в своих людях в первую очередь слабости, и только потом – сильные стороны, чтобы первые не тревожить, а вторые развить и использовать себе во благо. Проще говоря, на терки идет с языками, а на стрелку – с кулаками.

Парень на всю жизнь запомнил этот пример и строил на нем свою маленькую, но гордую бригаду, готовя ее к великим свершениям. Булка был в отряде за советника, хотя и по тычке мог надавать в два счета – ручищи во! – жаль, сноровка подкачала. Но для решения вопросов силой в шайке был Хлыст – невысокий, шуплый парнишка, чьи удары без напряжения ломали кости и сшибали с ног взрослых быков. Переломанный нос Германа – отчасти его заслуга: в детстве они бились смертным боем, выясняя, кто же будет главным на улице, но один стремился достать до звезд, а второй мечтал, чтобы от него отвалили, поэтому роли распределились именно так, как соперники того заслуживали.

Хлыст напоминал хорька, ходил в рванине и отпустил патлы аж до плеч вопреки всем принятым нормам, внешний вид его, в принципе, мало заботил. Соратники ценили его не за внешность, а враги на собственной шкуре уясняли, что насмехаться над лохмачом – себе дороже.

Это был костяк стаи, в которую они сбились еще щенками; так было проще не только зарабатывать авторитет, но и отбиваться от тех, кто жаждал его отобрать. «Левые», в отличие от заводских, никогда не считались сплоченной общиной, где один за всех, а все за одного. Наоборот – на каждой улице в три дома промышляла своя бригада: в первое время после Войны они стерегли добро от всякого ворья, но с каждым прожитым голодным годом в это самое ворье и превращались, без зазрения совести нападая на соседей. И лишь другая бригада была способна уберечь улицу от разбоя, ведь шмалеры «левым» носить было не по масти, а палками и кулаками отбиться можно исключительно сообща.

И так уж вышло, что на улице Германа жила парочка подростков, прибившихся к банде по собственной воле, хотя Хлыст принял их в штыки, а Булка долго уговаривал главаря прогнать прилипал взашей. А все дело было в том, что эти юные сорвиголовы – сестры, а бабы в банде, да еще и на равных правах с пацанами – страшное запаadlo. И ладно старшая, Ксюха – та брилась налысо, таскала мужскую одежду и вела себя, как заправский урка. Но младшая – Машка по кличке Мелочь – к таким переменам оказалась не готова и тихим хвостиком всюду шлялась за сестрой, бросая тень на всю шайку. И если бы не определенные таланты Ксюхи, обеих послали бы куда подальше. Но девушка дралась, как бешеная кошка, пробиралась в дома без единого шороха и умела вскрывать любые замки кусочком проволоки и гвоздем, поэтому, чтобы не терять столь ценный кадр, пришлось пойти на уступки. Правда, с одним уговором: если кто спросит – девчонки не в шайке, а просто трутся вместе. Это устроило всех. Вот и сейчас, едва услышав свист, сестры заявили на зов аж с другого конца улицы.

– Че за кипеш? – спросила Ксюха, старательно бая и подбрасывая на ладони заточенную отвертку.

Мелочь, как обычно, пряталась у старшей за спиной, поглядывая на парней широко распахнутыми глазами. Ей бы дома сидеть и в куклы играть, но девушка всюду таскала ее с собой, и Герман прекрасно понимал, почему: три года назад на их дом напали какие-то отморозки и убили родителей, а от изнасилования бедняг спасли подоспевшие в последний миг ребята. С тех пор сироты видели в них единственную защиту, а пацанские повадки Ксюхи были еще одним способом уберечься от надругательства. По крайней мере, так полагал Булка, а главарь привык всецело доверять его котелку.

– Прошвырнемся до Проходной, – ответил Грид. – Надеюсь, подкинут какое дельце.

До Войны у главного входа стояла высокая клумба, а за ней находилось крыльцо под козырьком с золоченой надписью, от которой нынче осталось первое слово: «Завод». Новые обитатели разобрали клумбу, закрыли окна первого этажа плитами, которые предприятие и выпускало, а на крыльце выложили стены из мешков с цементом до самого козырька, оставив три бойницы с фасада и узкий проход сбоку.

Остатки клумбы полукругом обложили бетонными блоками, за ними на шухере стоял обвешанный волынами отряд. Каждое утро доверенный Капитана приносил быкам листок с поручениями для шестерок – «левых», стремящихся стать «своими». Получалось мало у кого, последние задания выдавались запредельно сложными, граничащими с чистым самоубийством, но поток желающих по-быстрому подняться не иссяк до сих пор. Шайка Германа как раз и ходила в этой масти, но сами себя они так никогда не называли и никому, кроме крейдеров, не позволяли.

– Здорово, пацаны! – гаркнул Грид, подойдя к нагромождению серых обломков.

– А, щенок Нюхача. – Крепыш в балаклаве ощерил гнилые зубы. – Че надо?

– Пошабашить.

– Ну, этого у нас навалом. Жратвы в обрез, патронов кот наплакал, а шабашек – хоть сракой жуй. – Охранник расхохотался. Парень стоял шагах в пяти от него, но чуял тошнотворную вонь из пасти.

Крейдер повесил двустволку на плечо и поднес к лицу список заданий. Долго бегал по строчкам блеклыми глазками и, наконец, сказал:

– Сгоняй в девятый дом, что на Пионерской – там один черт за крышу платить не хочет. Передай ему привет от Капитана и намекни, что борзеть – нехорошо. Возьмешься?

Герман сглотнул. Пионерскую держала шайка Славки Крота – редкостного отморозка, которого сторонились даже заводские. В отличие от правильных воров, краснощекий амбал не гнушался убивать, даже когда мокрухи можно было избежать. И не просто не гнушался, а всеми силами искал повода проломить кому-нибудь череп куском арматуры. А приход чужаков, да еще и за долгом – повод более чем веский, старшие и слова против не скажут.

– Эй, фраер! – окликнул бык. – Заснул, что ли? Или очко разжать пытаешься?

На этот раз загоготала вся троица. Дать заднюю в такой момент – значит, прослыть трусом на весь район, и тогда пощады не жди ни от своих, ни от «левых». Уж лучше сдохнуть в драке с Кротом, чем стать распоследним чмошником, за секунду растеряв годами и кровью скопленное уважение.

– Беру! – с вызовом ответил парень.

* * *

– Это песец, – печально вздохнул Хлыст, а вздыхал он реже грома среди ясного неба.

– Нет. – Герман излюбленным движением закинул биту на плечо. – Это – шанс.

Молчаливый и замкнутый Булка, вопреки всем ожиданиям, переметнулся на сторону патлатого хорька:

– Нас кончат. Не просто отмудохают и прогонят, а реально замочат. Или покалечат. И хрен его знает, что хуже.

Главарь сплюнул под ноги и окинул шайку хмурым взглядом:

– Короче, я вас, как целок, улаживать не собираюсь. И пойду на Пионерскую при любом раскладе, хоть в одно жало. Мечтаете стать главными чмырями в округе – сидите на жопах ровно, силком тащить никто не будет. Если так обоссались на первом серьезном деле – какие вы, на хер, крейдеры? Или идем все вместе, или нам по этой жизни не по пути. Дальше начнется та еще веселуха, а вы уже напрудили в штаны.

– Я пойду. – Ксюха встала и сунула руки в карманы замызганного ватника. – На хер вас. – Она кивнула на парней, да так, что чуть не слетела кепка. – Тоже мне, герои. Очкозавры, вот вы кто.

– За метлой следи, коза, – проворчал Хлыст. – А то не погляжу, что ты – телка.

– Так не гляди. – Острие отвертки выскользнуло из-за пазухи. – Давай раз на раз, че ты? Или только на словах махать мастак?

Лохмач медленно выпрямился, и в этой неспешности таилось столько же опасности, как и в поднявшейся из гнезда гадюке.

– Не надо! – всхлипнула Мелочь и повисла на шее сестры, подставив спину шагнувшему навстречу мальчишке. – Не деритесь!

Ржавый набалдашник со свистом рассек воздух и рухнул в костер, разметав во все стороны искры и уголья. Драчуны прыгнули кто куда, как сошедшиеся в поединке коты, чье заунывное пение прервало ведро ледяной воды.

– Варезки – хлоп! – прикрикнул главарь. – Никаких рамсов в бригаде, ясно?

Хлыст и Ксюха отвернулись друг от друга и надули губы: пламя приглашено, но не потухло. Засиделись ребята, давненько не стравливали пар. Ну, ничего, скоро разомнутся, лишь бы от такой зарядки башни не снесло.

– Ну, кто еще?

Первым подошел Булка, за ним, с большой неохотой – хорек. По глазам было видно – боится, но коль уж тормоз не струсил, то и ему слабину давать никак нельзя – загнобят.

– А вы – марш домой. – Герман ткнул пальцем в сторону притихших сирот.

– С чего вдруг? – окрысилась старшая. – По-твоему, я хуже вас?

– Нет. Никто из нас так не думает, – соврал Грид, покосившись на Хлыста. – Но если тебя шлепнут – с мелкой что будет? Я с ней нянчиться не собираюсь, у самого... забот хватает. Да и другие тоже.

Девушка хотела возразить, но опустила голову, и, несмотря на разницу в росте и сползшую на лоб кепку, Герман заметил, как розовые пятнышки расплзлись по скулам, а губы сжались в бледную линию.

– Вот-вот. Короче, рамсить с Кротом вообще не резон, надо провернуть все тихо и быстро. Ждем ночи и чешем огородами прямо к должнику, щемим черта – и по тапкам. Как стемнеет – у меня, и прихватите что-нибудь с кухни... так, на всякий.

Когда он вернулся домой, мать спала на диване, прижимая к груди Сашку. Укрыв их облезлым одеялом, парень занялся хозяйством, которое с прошлого года заметно оскудело. Помидоры уродились крохотными, как сливы – в горсти с десяток уместится, зелено-вато-бурыми, с засохшими, похожими на старые шрамы, носиками. Бочка наберется – и то радость, а ведь треть придется отдать Капитану за крышу. То есть, за защиту, но не от шуховцев или тварей – на них крейдеры и не думали нарываться, чуть какой шухер – сразу на Завод, и двери на засов. Нет, оброк оберегал от самих крейдеров, да и то так... тухленько. Убить не убьют, да, но изувечат или ограбят – за милую душу. А если вдобавок проштрафиться и не выполнить поручение, то никакие помидоры не помогут, хоть собирай манатки и беги, куда глаза глядят – да только некуда. Больного ребенка и с трудом ходящую женщину не примут даже музейщики, а если Герман уйдет один – в наказание порешат не только родных, но и шайке достанется.

Да и не привык он бегать от проблем – на Крейде трусы и слабаки долго не задерживаются. В день, когда отец ушел в последнюю ходку, он позвал сына, взял за плечи и строго посмотрел в глаза. Нюхач редко говорил с отпрыском на подобные слишком взрослые темы, но тогда как почуял, что уже не вернется.

– Ты, – начал он, – ничего не бойся. Кто боится – тот не жилец. На заводских не рыпайся, покуда сам заводским не станешь, а «левым» спуску не давай, понял?

Мальчишка кивнул.

– Вот и молодец. Живи так, чтобы ни одна мразь об тебя ноги не вытирала.

И Герман жил по этому святому завету, но одно дело – соседская шантрапа, и совсем другое – Славка Крот, которого считали чокнутым самые отмороженные крейдеры. Отфутболив пустое ведро, Грид взял битку двумя руками и выставил перед собой, как меч, рисуя в мыслях образ чернобрового крепыша с торчащими ушами и бритым черепом, щедро усыпанным белесыми проплешинами шрамов.

В одном они были похожи: и Германа, и Крота пытались прикончить не раз и не два – не получилось ни у кого. Смерть ублюдка – верный способ подняться разом ступени на три, но и сгинуть можно с теми же шансами.

В калитку тихонько постучали.

– Че? – проворчал главарь, увидев Ксюху у забора.

– На. – Она протянула грязный сверток.

В промасленной тряпице лежал кинжал, выточенный из обломка косы – длинный и легкий, похожий на коготь неведомого чудовища.

– Это отца... Ему уже без надоба, а тебе пригодится. Только, чур, верни потом.

– Дура ты, Ксюша. – Грид закрыл калитку и подпер плечом, чтобы не скрипела на прохладном ветру. – Прикид этот, повадки. И слепой поймет, что ты – девка.

Она молчала, отрешенно разглядывая дом через дорогу.

– Отрастила бы патлы, одела бы бабы шмотки – сам Капитан бы в жены взял.

– Ага. – Девушка улыбнулась. – Пятой или шестой. И то, если на дороге никто не... сосватает.

– Ну. Видишь, какая умная.

– Да и ты – не дурак. Прикидываешься только, чтобы за своего сойти. Но это место – не для тебя, а для таких, как Крот. Свалить бы отсюда... да подальше.

– К нам лучше давай.

Ксения вздрогнула и с удивлением уставилась на парня.

– В смысле?

– В прямом. Места полно, будете мамке по хозяйству помогать.

– Скажешь тоже. – Она коснулась затылком забора. – Сами с голоду пухнете, а тут еще два рта кормить.

Он улыбнулся.

– Больше рук – больше еды.

Из окна донесся истошный крик – Сашка проснулась. Герман сплюнул и протянул подружке клинок.

– Забери. Мне битой сподручнее.

– Гер... – Она подняла ладонь, но парень скрылся за калиткой.

После улицы кислый запах в доме чувствовался гораздо сильнее, не помогали ни растопленная печурка, ни булькающая в чугунке каша. Груды тряпья на диване и пружинных кроватях впитали столько пота, что клопы и блохи не завелись в них лишь потому, что старых истребила зараза, а новые, к счастью для всех, так и не появились.

Мать стояла у плиты, опираясь на костыль, и помешивала варево длинной поварешкой. Когда-то давно ее выточил отец – обычным перочинным ножиком он превращал чурбаки и ветки в ложки, курительные трубки, дудочки и прочую занятную мелочевку. Все, что мог сделать с ножом сын – кого-нибудь пырнуть. Однажды мать сказала, что в этом вся суть нового мира, но смысла фразы Герман так и не понял.

– Опять шлялся где попало? – проворчали с кухни. – Помидоры полил?

– Ага, – буркнул парень.

– На Завод ходил?

– Нет.

– Не ври! – Поварешка стукнула об чугун, и Сашка тут же захныкала. – Все хочешь крутым стать. В люди выбиться. Да только то не люди, а зверье.

– Я не собираюсь жить в помойке.

– Радик тоже не хотел. И как, лучше стало?

– И что ты предлагаешь? – Герман вздохнул и покачал головой – терпеть ее нытье с каждым днем становилось все сложнее.

Что ни сделает – все не то. И ладно бы жили в Технологе – базара ноль. Он бы учился, зубрил мудреные книжки, паял всякие штуковины и получал за это патроны и пайки. Но здесь – то какие варианты? Гнуть спину на грядках в ожидании чуда? Чудо само собой в руки не упадет, ему хотя бы ладонь подставить надо. И даже если в один прекрасный день шуховцы вырежут крейдеров, жить от этого легче не будет. Перестанут щемить заводские – начнут щемить соседи или те же шуховцы. Как ни крути, а полагаться можно только на себя. И коль уж ока-

зался в болоте, то лучше быть главной жабой, чем последним головастиком. Головастикам везде погано, хоть с одними, хоть с другими, потому что пока ты под кем-то, об успехе и не мечтай.

– Уходить отсюда надо, – после долгих раздумий прошептала женщина.

Грид хмыкнул.

– Куда?

– Без разницы. Крепкие, толковые ребята везде нужны.

– А вы?

– А мы, сынок, свое отплясали. В том мире еще подергались бы, а теперь... какой с калек прок?

– Да ну тебя! – в сердцах выпалил Герман и вышел во двор.

Еще удивляется, почему он где-то шастает целыми днями. На улице мрак, а дома хоть вешайся. И как тут не думать о Заводе? О месте, где стены в руку толщиной, у каждого – волына, а то и две, и не надо с весны прикидывать, переживешь ли зиму и хватит ли урожая на оброк.

Небо потемнело, кружащие облака окрасились бурым, над ними вспыхнули первые звезды. Парень крутанул битую и разрубил холодный воздух, представляя перед собой бритую голову Крота. Если повезет, уже скоро на ней появится последняя отметина. А может, Крот раскроит нагледу череп его же палкой: не попробуешь – не узнаешь. И как Герман ни храбрился, сколько ни выискивал доводы «за», сердце все равно сжимали колющие тиски. Пока легонько, едва ощутимо, но чем ближе была развязка, тем сильнее кололо в груди. Говорят, робкий боится до, смельчак – после, а трус – все время. Вот «левые» и живут, как рабы. Не потому, что слабые. Не потому, что не грезят о лучшей доле. А потому, что боятся пальцем о палец ударить. Ну и хрен с ними, сами заварили – сами пусть и жрут. Иного пути нет лишь у тех, кто его не ищет.

С улицы донесся хруст – главарь сразу узнал медленные, тяжелые шаги увальня. У калитки топот стих, ему на смену пришло надсадное, с присвистом, дыхание. Вскоре послышалась вкрадчивая поступь Хлыста – бригада в сборе, пора на дело. Уходя, Герман засмотрелся на пляшущий в окне огонек. Видит ли он его в последний раз? Весьма вероятно. Помешает ли это задуманному? Нет. Отец каждую ночь уходил гулять со смертью, теперь пришел черед сына. Ни храбрецом, ни трусом нельзя стать по наследству – каждый сам выбирает, кем быть в этой жизни. Снаряд не падает в одну и ту же воронку, молния не бьет в одно и то же место, а шанс проявить себя не выпадает дважды. Испугался, отказался – и на тебе поставят крест, который смоется только кровью.

– Готовы?

Вместо ответа Булка показал ржавую кувалду, а Хлыст крутанул на пальце самодельный свинцовый кастет. Герман улыбнулся и накинул капюшон. Его стаю нельзя назвать лучшей из лучших, зато шакалы в ней не водятся.

– За мной.

Крейда засыпает в полночь. Каким бы крутым ты ни был, хлопоты по хозяйству никто не отменял. Хоть до заката гоняй чужаков и бегай по стрелкам, но с восходом как штык – в парник: просрочишь мзду – проблем не оберешься.

Дорога петляла через заброшки – в последние годы опустевших домов становилось все больше. Кто-то умирал от старости, кто-то – от голода и болезней, иные – от заточек меж ребер. Были и те, кто уходил в поисках лучшей жизни, но большая часть возвращалась – изуродованными, окровавленными, а то и вовсе по кускам. Заводские обвязывали тела пойманных беглецов тросами и таскали по улицам, рисуя на асфальте алые полосы, а когда те становились едва различимы, вешали добычу на ближайшем к жилищу суку или фонарном столбе. Как правило, за ноги – так мертвец «зреет» дольше и держится пару недель в назидание остальным.

По этим зловонным маякам парень издали подмечал, какой двор освободился – полезное знание, когда надо без лишнего шума прошмыгнуть на соседнюю улицу. И жизненно необходимое, когда улицу держат типы вроде Славки Крота. От Тимирязева (вотчины Германа) до Пионерской два ряда смежных огородов – считай, рукой подать. Но пересечь их нужно так, чтобы свидетельницей ночной прогулки была одна лишь луна. Вожак постарше и поопытней наверняка дождался бы туч – желтый глаз в чистом небе светил, как прожектор. Но парень спешил – не столько из стремления поскорее справиться с заказом, сколько из-за страха со временем передумать.

Ведь взрослый и опытный вожак не дрогнет ни в первый день, ни на десятый – бывали случаи, когда охотники выслеживали жертву годами, а их азарт лишь рос и крепчал. Но юнец с каждым шагом чувствовал, как ноги набиваются ватой, а сухая земля превращается в зыбучий песок. Страх – не приговор: бояться все, но не все показывают это. Провалить задание – не приговор: ситуации бывают разные, можно и на чудище нарваться, и в засаду шуховцев угодить, тут уж любая сходка в твою пользу решит. Но если ты даже не попытаешься сделать обещанное – вот тогда пощады не жди. Повезет, если кончат сразу, а могут и по улицам «покатать», да еще и живьем.

Хлыст дважды хлопнул Германа по плечу – опасность. Парень вскинул кулак, и стоя юркнула за блестящий, будто покрытый льдом парник. Условным знакам научил отец – Нюхач знал их десятка два и мог без слов предупредить об угрозе и в подробностях поведать о вражеском отряде. Большую часть сын забыл, некоторые додумал сам и в таком виде передал шайке, стремясь обучить не заурядных уличных драчунов, а полноценную боевую единицу, чтобы не сгинуть в первом же походе за хабаром, когда заветная мечта о Заводе, наконец, исполнится.

Хорек «прошелся» пальцами по воздуху и показал «V» – за нами хвост, двое. Главарь кивнул и коснулся губ, хотя подельники и без того знали, что шуметь нельзя. Но повторение, как известно, мать учения: умелый воин упражняется до самой смерти, а верный способ поскорей с ней встретиться – это лень и переоценка своих сил.

Шаги стали громче: кто бы ни шел по следу, таиться он не собирался. Или попросту не умел. Когда неизвестные поравнялись с парником, Герман выскочил из укрытия и наотмашь ударил битой на высоте своего роста. К счастью, загадочные незнакомцы оказались гораздо ниже, но ржавый набалдашник лишь чудом не снес кепку с лысой макушки Ксении.

– Это мы! – Девушка пригнулась, бредущая за ней сестра пискнула и зажмурилась.

– Вижу, блин! – Парня трясло от злобы и страха – махни он чуточку иначе, и мозги подруги удобрили бы соседский огород. – Какого хера приперлись?

– Вам помочь. – Девушка опустила глаза. – На шухере постоим... Мало ли что.

– Да от слепого и глухого больше толку, чем от вас! Нашлись, блин, дозорные.

– Гер, пожалуйста... Там кто-то бродит у забора. Нам страшно одним.

– Кто бродит? – насторожился вожак.

– Не знаю. Мужики какие-то.

Грид стиснул зубы и посмотрел туда, где темнела крыша его дома. Шарить по улице мог кто угодно, но с добрыми вестями в такой час не приходят. Вряд ли парни проболтались о деле, и вражья шайка решила устроить налет, пока своих нет. Скорее всего, припозднившиеся бухаресты заблудились или крейдеры на ходку пошли. Возвращаться и проверять – уйму времени сжечь, к тому же сейчас все на мази, ни одна собака о них не пронюхала.

– Ладно. Сидите тут и не шуршите, на обратном пути подхватим.

– Тут? – Глаза Ксюши заблестели, от напускной дерзости не осталось и намека. Кругом были покосившиеся заборы, покинутые дома и заросшие бурьяном огороды, где могла притаиться тварь гораздо опаснее человека. – Тут тоже страшно!

– Везде, блин, страшно, – огрызнулся Хлыст.

– Цыц, – шикнул главарь. – Сказал ждать – значит, ждите. Или проваливайте, пока всю малину нам не обломали.

Девушка кивнула и прижала Мелочь к груди. Издали их силуэты не бросались в глаза – авось все обойдется. Выждав минуту для верности, Герман махнул рукой и, пригнувшись, пошел к хибаре напротив. До цели оставались считанные шаги, еще чуточку – и половина дела сделана.

Девятый дом выглядел так, словно в нем и до Войны никто не жил, но вряд ли адрес перепутали на Проходной – Капитан разгильдяев не приветчает, иначе район давно бы вырезали под корень. Это со стороны Крейда – сборище отморожков, а по факту структура не хуже, чем в армии: есть и разведка, и ударные группы, и снабжение, и штаб, где пустоголовых лохов не держат.

Герман жестом велел остановиться и припал на колено – шагах в сорока по курсу блестел на ветру разодранный парник, рядом виднелась компостная яма. Ничего и никого подозрительного, но стоило пересечь узкую полосу травы, как ботинок ухнул по щиколотку в землю, и раздался глухой звон. Спутники без лишних слов шлепнулись на сырой грунт, щедро усыпанный кусочками мела, в лунном свете напоминавшими дробленые кости. Белгород не абы за что получил свое название, а Крейда и вовсе переводится с немецкого как мел.

Хлыст зачем-то накрыл голову ладонями – думал, растяжка? Герман оцепенел и напряг слух до звона в ушах: в лесу поскрипывали сосны, на окраинах брехал пес, со стороны Завода доносились треньканье гитары и пьяное пение. Если хозяин и услышал звон, то вида не подал, но над внезапным налетом навис большой и толстый вопрос.

– Че делаем? – просипел хорек.

– Дело делаем, – окрысился главарь. – Или ты от сраной банки в штаны навалил?

– Сам ты... – Тот цокнул языком. – Мутно все как-то.

– А ты думал, в сказку попал? Марш к парнику.

– А че я? Пусть Булка чешет.

– Рот закрой. Ты легче – если на грядках мины, глядишь, не шарахнет.

– Мины? – От испуга лохмач дал знатного петуха.

– Да прикалываюсь я. – Грид растянул губы, но на ободряющую улыбку это походило, как хрен на конфету. – Иди, давай. И под ноги смотри, а то мало ли...

Хлыст на полусогнутых побрел к теплице, шупая почву перед собой и озираясь по сторонам. Из дома не доносилось ни шороха, и мрачная тишина придавала ему сходство с притаившимся зверем, огромным чудовищем с острым гребнем, черепичной чешуей и глазами с узкими вертикальными зрачками, в которых отражалась полная луна. Шагни к нему – разверзнется зубастая пасть и проглотит непрошенных гостей, как мух, ветер заметет следы, и ни одна живая душа не узнает, где нашли последний приют смельчаки с Тимирязева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.